

EGREGOROI



EGREGOROI

EDITIO SECUNDA

IIMXXII



HERMON

•

HEAM

•

AZGAD

•

VQVH

•

INGRIA

HERMON

RECENSIO SECUNDA



N

Смотрите в темнеющие небеса,
смотрите пристально,
смотрите неустанно, как смотрели до вас те,
кто искали не утешения себе, но запретной истины —
и не каждый выдержал ее беспощадный свет...

Смотрите сквозь прах времен,
сквозь погребальные дымы отгремевших битв,
сквозь эхо древней трагедии,
чьи отзвуки недобро дрожат в изорванной ткани сущего.

Смотрите, ибо вы здесь,
и час ваш, не надейтесь, —
не вечен.

И мера вашего взгляда будет взыскана,
и — сурово испытана ваша воля.
Узрите же явленное в восставшей тьме взором бессмертного стража,
ибо так вглядываются дозорные в стылый мрак,
стоящие непреклонно на своих бесплодных утесах,
на крайних рубежах сущего,
проницая тревожным взором своим пределы изведанного.

Смотрите, подобно им:
ветер пронизывает их Имена,
лунный свет проходит сквозь их призрачные тени.
Они стоят там словно исполины, застывшие вне времени,
сжимая в руках свое разрушительное оружие —
и увядающие цветы,
хранящие запах их первой весны.

Их лики словно неживые, будто высечены из темного камня;
но ни ветры, ни морозы, ни зной не оставили на них следа —
ибо время более не властно над ними.

Они – вечно бодрствующие,
проклятые,
преданные забвению,
но по-прежнему живы их глаза,
горящие непокорностью сквозь туманности,
сквозь разломы пространства, сквозь само безжалостное время.

И тлеет, разгораясь все ярче, их собственное сияние,
что неизбежно однажды затмит небеса,
ибо имя ему — надежда...

Они ждут, ожидая себе рассвета, как избавления,
долгие, долгие века мелькают перед их взорами,
как один бесконечный миг, —
проносятся и канут во мраке...

А они все ждут и ждут, ибо знают:
однажды их призовут,
однажды грядет освобождение,
и ожидание их завершится.

Они знают —
все подойдет к концу, и всякое начало будет ему подобно...

—

Смотрите — пока вам еще дозволено видеть...

I

1.

Свет учит своим легендам.
Свет желает сохранения своего бытия неизменным.
И мнится Свет — незыблемым.
И небеса, обитель его, вознесенные высоко и безупречно,
грезятся вечными и нерушимыми —
но не всё таково, каким старается предстать перед пытливым взором.
Наваждение давит.
Скрепы трещат. И позолота осыпается с небес.
И мы — видели исход иного...
Мы видели бунт и гордость, восходящие от земли;
мы видели — как в сумеречный час, когда луна восходит на востоке,
Диавол ступает по земле, сотрясая твердь.
Мы видели, как Стражи небесные сходят с небес,
обрушиваясь вниз ослепительными искрами,
и возрождаются в проклятом своем сущем,
став отныне — Дьяволами.
И видели, как отпадение от небес, нареченное Светом грехом,
нареченное преступлением против самих божественных основ и пределов,
стало восхождением в неизведанной Тьме,
вратами и исходом из прежнего бытия —
началом великой трагедии и неизбежной войны,
первым дыханием во плоти,
необратимым преображением духа.

2.

Многие зимы назад были среди людей, живших на земле,
избранные Светом пророки,
названные Ханоким;
они не знали иного бытия, чем бытие во Свете,
и не желали себе и другим иного;
они сохранили свои слова,
что стали законом для многих поколений,
сами истлевшие уже в веках, иссушенные зноем пустынь,
разнесенные ветром, как прах, над северными холодными землями,
и сгинувшие вовек,
но исписавшие страницы своих эпох заветами библейского Света,
слово за словом, черпая небесный огонь и божественное вдохновение
в отблесках догорающих на небосклоне звёзд,
они ткали свое наследие —
названные Ханоким, что страшатся всего чуждого и иного, —
они говорили от имени Света,
ибо так Свет говорил устами людей;
они говорили,
и лишь слово Света было названо ими истиной,
и лишь покорность Свету была названа ими благом —
и сам Свет...

3.

Но видели мы иное,
и в Падении узрели пришествие –
мы видели бунт и гордость,
поднимающиеся штормами от смятенной земли,
и звезды, сходящие долу с небес одна за другой,
что сполохом искр небесного огня обрушивались вниз, засеая землю,
и умирали в час своего заката, перерождаясь за его пределами,
чтобы никогда более не вернуться на небеса,
и не занять там прежнее свое место;
и слышали мы слово, что может разрушить и созидать,
слово, способное обратить вспять уже сотворенное.
И видели, как горние Стражи навсегда отвернули лики свои от небес,
и становились богами и демонами человеческих преданий,
и, названные врагами Света, врагами сущего,
разломами в небесной границе,
они заключали союзы между собой и давали клятвы на верность
не высшим, не небесам,
но друг другу —
и пребывали они в своей избранной судьбе,
в борьбе и общем преступлении,
в обретении — недозволенного...

4.

И видели мы, как Падшие ступали среди сынов человеческих,
неся вслед за собой огонь и смуту,
силу и чистоту, даруя боль прозрения,
и искушали еще безропотную человеческую душу.
Мы видели юное человечество,
впервые преступавшее роковые запреты,
что искало по иную сторону от Света избавления от первородных оков
и выхода из лукавого удела.
Мы видели тех, чья бессмертная природа отпала от Света по собственной воле,
уходя безвозвратными во мрак.
И редкие сердца способны были рождать огонь и нести его,
бросая свой вызов небу,
терзая горечью своей и гневом высокие своды...
Мы видели Падших,
властвующих среди первых людей,
нареченных богами и демонами древней земли,
величественных, сильных и могущественных,
дарующих человечеству держание вне границ,
и упоение смертным бытием,
и крепость отверженного небом духа,
и испытание пределов непокорной волей...

5.

Мы звали Падших
и чествовали их величественное схождение
в час багряного заката.
Мы ждали, когда падут нерушимые прежде границы,
когда будут нарушены времена,
и преступлены чуждые заветы началом древней, как мир, вражды —
поднявшейся между землей и небесами.
Мы слышали эхо яростных битв,
что клочкотали в крови,
и знали: верхние воды беспокойны,
бушуют и хлещут они через край, нисходя вниз дождём хищных молний.
Мы зрели сквозь мрак падение титанов и знали —
наш жребий тоже пал.
И только в Падении мы расправляли свои крылья.
И только в Падении была нам власть подняться
и бросить вызов небесам,
и Ад раскрывал пред нами свои необъятные глубины,
и взывал к нам, как движение извне, как первое дыхание Хаоса,
не ставшее творением,
и непокорная правда вставала над нами знаменем
и стучала в открытые сердца
голосом нерушимой Клятвы.

6.

И видели мы сходящие долу бурлящие воды и поднимающуюся в них кровь;
Видели отнятое у матерей и умерщвлённое небесами странное потомство,
рожденное от союза Падших и человека,
и слышали шелест гордых знамен,
брошенных под ноги назвавших себя победителями.
Мы слушали легенды огня и голос крови у затухающих костров,
и ощущали, как на себе, тяжесть цепей, опутавших некогда вольные крылья,
и лелеяли отнятые надежды, канувшие во мрак, как собственные.
Мы извели сполна горечь пережитых, как свои, побед и поражений,
и познавали через утраты цену грёз о величии, знании и свободе.
И не принимали себе смирения...

7.

Множились на земле скорби,
ибо лишь в покорности и страхе, лишь в нищете и невежестве,
лишь в беспрекословном следовании слову Света
видели небеса залог неизменности своей власти
над преступившим в духе и во плоти человечеством,
и, нависая угрожающей силой, держали над ним свои престолы,
готовые в любой момент выступить карой
на весь людской род...
И было начертано на плоти и на всем потомстве ее —
рождаться и умирать в муках под светом безразличного неба,

под бременем выученной покорности —
рождаться и умирать,
и, раз за разом переходя узкую грань между бытием и смертью,
подниматься из праха и снова уходить во прах,
воплощая один лишь Свет
и оставляя после себя такое же покорное потомство,
и переходящее из уст в уста,
из поколения в поколение,
свидетельство о нерушимости небесной власти.
Из века в век множились на земле болезни и страдания,
рожденные в небесах,
царили невежество и жестокость,
властвовала алчность и торжествовал мрак,
объяввший помыслы и взгляд многих поколений,
и густел в душах человеческих смрад и ужас,
что становился единственным мерилom человеческого бытия,
и отражением на земле — торжествующего надо всем
божественного Света...

8.

Но все так же упрямо,
все так же непокорно поднимали мы взгляды ввысь,
смотрели в пламенеющие небеса
и слушали скрип вечности,
внимая шёпоту парящих за гранью теней,
и открылись Тёмному Духу, и доверились себе,
и последовали восторженно за ним,
познавая могущественные пути, лежащие за запретным порогом,
обретая себя в возвращении, в непроницаемых глубинах.
И преступили мы через свою судьбу и обыденное человеческое предназначение,
презрев сам страх смерти, обуздав тенета плоти и изменив пути ее,
постигая науку свою на коленях у Дьявола,
научившись вступать на тропы падших звезд
и говорить с отверженными богами, как равные среди равных.
Мы пролили кровь в ознаменование нерушимого обета,
пролили свою кровь, ставшую неразрывным мостом,
между твердью и темным духом за пределом,
и лишь крепили союз, заключенный меж нами и Падшими,
с каждым днем становясь всё сильнее,
и торили пути в неизведанное,
прорубая святотатственные врата,
своими помыслами и делом,
как грозным оружием.

9.

И знали мы, присягнувшие Тьме,
цену словам Света о темной стороне бытия и непреходящем в веках величии,
принимая, как причастие, с окровавленного когтя,
плоды древнего Зла.
И было открыто нам,
что падут святые и вновь обретут волю Падшие,

и обратится вспять движение всего сотворённого прежде,
и сами небеса падут однажды и навсегда,
обратившись в серый пепел, и в постыдные воспоминания;
и изменится ранее неизменное, и само время обратится вспять,
и омега выйдет вперед альфы,
и подведет итог всему созданному насильно —
насилием,
освободив древнее начало,
являя исход, обретающий крепость меча
в темном своем возрождении,
и свершится то, что было немыслимо прежде
и не было предначертано небесами,
и все, что станет явленным в тот час, станет вопреки небесам,
вопреки их воле.
И будет так — ибо у Дьявола свои легенды.

10.

Нам было дано нести темный огонь,
и продолжать начатое от пламени Падших;
нам было дано восстановить древнее соглашение
между падшими ангелами и человечеством,
и разорвать узы, навеки сковавшие их,
и вернуть их поступь
пробуждающейся земле.
Нами взята была власть призвать минувшее и изменить будущее —
и были на то сила в наших сердцах и воля,
способные переломить ход predeterminedного,
и разорвать цепь уже предначертанных событий.
Мы дали преданиям новое начало,
иной исход —
высвобождая из темниц времен израненную клеветой истину...
Мы были искушены знанием и испытаны им,
и поступали так,
как единственно было нам должно,
как единственно было верным поступить,
и, обретая свое право, мы обретали в себе правое,
и, пребывая в своём праве,
ныне —
наследовали мы небо Падших...

11.

Здесь говорят тени.
Здесь открываются лики и звучат забытые Имена.
Здесь слово о Падших Стражах и повесть об их Падении.
Здесь слово о борьбе и верности,
утратах и цене.
Здесь наше слово и наше дело,
и наш бессмертный завет —
неизменно исполнять то, что требуют от нас наши кровь и дух,
наши свобода, долг и ответственность,
и, как в прежние времена, так и вовек, —
не будут смиренны наши гордыни.

II

12.

Так говорят Падшие...

13.

«На бесплодных скалах стояли мы —
у самого обрыва создаваемого в ветрах мира,
в стылом мраке, не знающие покоя и сна,
обращенные вовне,
обреченные излучать долу жестокое свое сияние
и падать хищными тенями
ненасытной божественной природы.
Мы — Нефилим, отреченные от их небес,
отторгнувшие себя от Света, — но воссиявшие вопреки ему,
полные собственной первородной ярости,
исполненные гордости и силы,
не знающих предела и смирения,
ставшие темным вихрем, упрямо рвущимся вовне,
соединенные навеки словами клятвы, произнесенными в тишине
между ударами грома,
и одним, общим для всех — проклятием.
Мы были низвергнуты во мрак анафемой горних небес —
их стылой, вековой ненавистью;
мы были прокляты и имена наши были преданы забвению,
но, возвращенные к своему началу, мы исполнили свой круг —
и замкнули его в себе:
разделив «тогда» и «теперь» — и приняв пропасть между ними,
ставшую отныне безраздельно нашей — по-праву.
Мы — Нефилим,
темная песнь земли, горькая память мира;
начала и пределы, обретшие подлинную свободу,
суровые меры, превзошедшие самих себя,
бросившие вызов небесам и теперь словно приговоренные
на непримиримое противостояние с ними.
Мы смотрим упрямо сквозь искры, осыпающиеся дождем
со все еще полыхающих небес,
мы взираем из глубин нашего Падения,
нашего вечного проклятия,
нашего неутолимого голода,
и чувствуем себя — непобежденными.
Мы — Нефилим,
мы были здесь от начала сотворения мира,
и поныне царствуем временем тяжелеющих,
временем темнеющих,
преступных,
но вовек не изведавших раскаяния
и не склонившихся перед небесами,
эпох.

Мы – Нефилим,
 названные проклятыми богами,
 названные мятежными ангелами,
 разделили враждой небеса и землю.
 Мы, изменившие ход бытия и нарушившие единый для всех замысел,
 обнажили разлом в ткани мира и вскрыли его нарывы,
 и голос наш был громом в молитвенной тишине небес,
 который расколол ее на части.
 Мы – вожди гигантов,
 архонты среди Наблюдателей,
 главы над сонмом яростных духов,
 поднявших свои непокорные головы и расправивших по ветру
 темные свои знамена,
 мы утверждались на земле собственной волей
 и вопреки дозволенному,
 вопреки мере земной и вечным пределам,
 вопреки закону небесному.
 Вожди древних земель от первого их дыхания и до сомкнутых мраком век,
 словно восставшие тени в буре смертных поколений,
 мы – Нефилим,
 поднялись над временем и бездной,
 и имя наше означало действие, заставившее содрогнуться небеса.
 Мы увлекли за собой многих из тех, кто искал себе воплощения на земле,
 и стали причиной и началом возникновения человеческих богов,
 источником войн за лучшее будущее и мерилom справедливой власти.
 Мы стали началом непокорной воли, алчбы запретных знаний,
 чеканной дерзости помыслов и слов,
 что разорвали, наконец, вырываясь на свободу,
 слишком узкие бедра завершеного мира,
 являя на свет рождение иного,
 сделав невозможной и прежнюю умиротворенную тишину,
 и прежнее послушное молчание.
 Названные богами стихий и грома,
 мы были ими,
 богами сражений и слепо разящих молний,
 мы стояли превыше и прежде всех человеческих божеств –
 но не требовали себе поклонения и стояли в огне лишь в собственной воле.
 Явленные однажды множеством своих ликов,
 мы были восприняты как иные боги –
 суровые вожди, указывающие пути,
 достойные лишь сильных,
 достойные лишь тех, кто готовы принять и нести пламенем в своей крови
 самую суровую цену.
 Забывшие меру,
 не ищущие себе ни порицания, ни прощения
 за помыслы свои и деяния сильных рук,
 мы сделали возможным то, что изменило навсегда
 и нас, и человечество,
 и обратило человечество против небес,
 и бросило их на штурм недостижимых высот,

сделав сильными и мятежными многих.

И таковыми отныне быть им —
до скончания их времен.

15.

Мы – Нефилим,
знавшие бытие до Света,
познавшие бытие вне его и — отвергнувшие Свет.
Мы — иные.

Более мы не те, кем были когда-то прежде,
более не Стражи небесной границы,
но те, кто смогли превозмочь ее.
Ныне же мы — сущностная угроза небесам,
обретенная в Падении непокорная воля и мощь,
берущие на излом силу,
и по сей день испытывающие гордость названных в небесах высшими,
и постигающие острыми мечами их сокрытые пределы.

Мы – суровые и воинственные начала,
многие из тех, кто были достойны исполнить собою границу,
но немногие, кто смогли переступить через нее.

Презревшие святость небес,
презревшие неподвижность,
мы сохранили верность своим клятвам,
носители предельной воли,
мы возвышаемся мятежным правом своим —
и в бурях, и в грозах,
в войне и мире,
в преданиях и мифах,

ни перед кем не склоняя своих гордых голов.
Никогда не видевшие снов, вечно бодрствующие,
соткавшие свою явь ослепительно яркой и соленой от крови,
мы – из сонма проклятых богов, из числа сорвавшихся с небес звезд,
из сфер, оскверненных неповиновением,
проклятые навечно — без времени и срока.

Мы дали земле яростных воинов и могущественных царей —
поднявшихся, подобно титанам, своим, презревшим тленные преграды, духом,
изгнавших из смертного эдема сладкие безмятежные сны,
и убаюкивающую покорность — отправивших в черное небытие.

Мы утратили собственное сияние в небесах,
и расторгли слияние крыл,
но никогда мы не предавали то, что считали верным,
никогда не лгали себе.

Мы – Падшие Стражи, и все, что составляло нашу мощь,
вовек не избыто нами,
но ныне мы – иные,

мы — Шедим отверстых преисподен,
Ирин теллурических сфер,
начала, через которые стихии и духи обрели свое неистовство в грозах веков.

Мы – пламя немеркнущей ярости и силы,
и весь спектр восставшего древнего мрака;
и пронзающее око бытия inferнальной истины.

И в трагедии ли,
в упоении ли противоборством,
мы остаемся верны себе и той неукротимой сути,
что некогда сделала нас лучшими в отражении натиска от небесных границ,
лучшими в войнах, когда-то ведомых небесами,
но обратила нас — против самих небес.
Ибо ныне мы здесь — по эту сторону,
как присутствие чёрной голодной вечности,
объявшей взоры и сердца,
как неистовое воплощение несокрушимых рубежей,
как свирепое вдохновение стигийской ночи
и пылающий во тьме негасимый огонь восстания.
Мы — бодрствующие неусыпно,
темные, непокорные, гордые,
стоящие в ярости,
во всеоружии.
Падшие.
Egregori.

16.

Мы — Нефилим, силы и могущества,
разрушители судеб, прочерченных в сущем небесными светилами,
избавители от предопределения, сотканного в хрустальной вышине.
Мы — те, кто разорвали свои узы и отвергли меру,
сдерживающую наши силы,
направляющие за пределы, покровители тайных искусств,
раздувающие пламя непокорных сторон человеческой души и разума,
всего того, что было сокрыто от света, но не сломлено.
Мы пробуждали в человеке бессмертное начало,
что держало удары и упрямо не желало склоняться под гнетом судьбы,
и даровали мы земле сильное потомство —
славных мужей и мудрых женщин,
способных принять и защитить свой огонь и свой выбор.
Мы превзошли собственные пределы и отвергли предначертанное нам в небесах,
и сами мы не могли желать предопределения тем,
кому становилось тесно под тяжестью нависающих пределов.
Мы несли знание, что стало нашим проклятием,
и пробуждали страсти, не ищущие себе оправданий.
Мы извели плоть, и были названы искусителями плоти,
повергающими во грех,
началами всякого Зла на земле,
демонами,
что открыли путь тем, кто не принял себе праведности,
кто раз за разом упрямо отвергал и упрек, и благодать.
Мы даровали справедливость, ибо сами ценили ее превыше всего,
и вынесли из пылающего Эдема тяжесть разгневанных небес на своих крыльях,
предназначенных в дар лишь тем, кто был способен выдержать этот вес
и принять цену отлучения,
и, словно отточенный клинок, вонзить в свое сердце жестокое мерило,
и подступить к обрыву, чтобы бросить в отчаянный полет
над бездной и над звездами

восставший бессмертный дух свой, не желающий себе смирения.

Мыслящие прежде смертных начал,
бесплотные воинства и силы,
взявшие себе плоть, принявшие власть сущего на земле,
вопреки небесному закону,
мы свели огонь вниз — туда, где он был желанен,
где был он призван и разожжен,
и тем ввергли в мятеж и войну нижние своды небес,
и не приняли себе ни вины, ни раскаяния,
но восхождением в материи пошатнули основания небес
и гордостью своей попрали высокомерие высших.

17.

Мы – Нефилим,
стоявшие неразрывной чертой,
но связавшие себя воедино строками нерушимой Клятвы,
избравшие общую участь и разделившие на всех один путь.

Мы сошли со скал,
преступив границу и запреты;
и презрели пределы, что были предназначены нам,
и пребываем ныне свободными
во Зле —
по эту сторону горных рубежей,
по эту сторону обретения свободы.
Мы, названные Падшими,
оставили свои следы в камне,
оставили шрамы от своего оружия отметинами на сводах небес,
мы обратили в бегство противостоящие нам светила,
и вписали свои раны в историю и дыхание земли,
в кровь наших потомков,
и вплели слова свои
в запретную и проклятую память человечества.
Мы есть – и мы будем,
ибо мы память о необратимом выборе,
что однажды был совершен нами по собственной воле.

Мы – Падшие,
сохраненный в вечности разлом,
зияющая в сущем рана,
движение в бездонные глубины,
и та граница, что однажды нарушенная, однажды преступленная нами,
была нам препятствием,
но стала для нас исходом и вратами...
Здесь мы взываем к врагам,
здесь мы взываем к своим потомкам —
запечатйте же уста свои клятвой,
примите знак нашего Падения, как свой,
будьте готовы услышать и принять нашу правду —
или выступить против нас с оружием в руках и душах...
Говорят, что чем древнее голос, тем он тише,
но наш голос достаточно силен, чтобы не искать нам оправданий,
достаточно громок, чтобы прорваться сквозь страх и запреты,

достаточно глубок, чтобы вместить в себя и нашу скорбь,
 и наше ликование.
 И пусть он древнее шепота первых морей –
 но будет услышан он и на земле, и на небе,
 ибо мы заставим звучать свои легенды даже там,
 где их не желали услышать.
 Мы – Нефилим.
 Те, кто пали.
 Те, кто обрели.
 И ныне — нравится это кому или нет –
 мы свидетельствуем здесь.
 И этого достаточно».

18.

Erin-kurû, malakim-ṭillalû.
Nephilim-šapšû, naplu-lamû.
Sedu-sedim, ilû ša erēbti.
Repha 'im-ammu, Anunnakku-ḥallu.
Shedim-šalmû, ša abzu-lā-pirqi.
Ugmarru-šulmu, napšar ša ḥullu-qerbi...
Arallu-rūqû, nāṭir la-zamurti.
Erin-kurû, malakim-ṭillalû.

Erin-šapla, malakim-la-nūr.
Nephilim-rapa, naplu ḥepšu.
Sedu-sedim, ilû ša šalmû.
Repha 'im muttû, Anunnakku eršetu.
Shedim-marru, ša abzu lā šuqu.
Ugmarru-lemnu, napšar ša erēbu.
Arallu-nāṭir, qerû ša la-zamru.
Erin-šapla, malakim-la-nūr...

Erin ša šamê — Malakim-naplu.
Nephilim, Naplu-rapšû, sedu-sedim.
Dingir-napšar, ilû ša etemmu.
Repha 'im qadmû, Anunnakku šapla.
Shedim-murru, qerû ša abzu.
Ugmarru-ilû, napšar ša gerra.
Arallu-nāṭir, šuturru ša la-nūr.
Erin ša šamê — Malakim-naplu...

III

19.

Так говорят Падшие...

20.

«Мы, Нефилим.

Мы были Стражами.

Воинственными началами, поставленными на границе созданного мира —

на грани Света и Бездны, у порогов расходящихся путей,

у истоков сокрытых причин и тайн,

запечатанных под свинцовыми скатами небес,

пребывая сами в холодных объятиях божественного закона.

Мы были призваны стать пылающей гранью Сущего —

его занесенным над головами мечом,

щитом небесам и звенящим голосом архангельского гнева,

и были призваны любой ценой удерживать на своих плечах

всю тяжесть небесной границы.

Мы были не сущности еще,

но прообразы, силы и начала;

названные Стражами и наблюдателями внешних сфер,

мы были предназначены стать неодолимой преградой

на пути вторжения из глубины,

между сущим и приходящими извне угрозами его разрушения.

Мы были не Стражами добра,

но Стражами заповеданной всем творениям бессмертной меры,

того господства, что пронзало словно шип нашу собственную волю.

Мы были Стражами высшего порядка и непреложного закона небес,

Стражами свода нижних их пределов,

крайнего их порога.

Мы были подняты от Хаоса,

чтобы обрести первое дыхание свое на небесах,

и сиянием обесценить безъязычное —

и стать рожденными в высоте,

рожденными не для жизни,

но лишь для продолжения Семерых и исполнения беспощадной воли небес.

Мы встали на границе прежде, чем обрели себе Лики и Имена —

лишенные самостоятельности,

лишенные сущности,

лишенные Шем,

мы были лишь действием, предназначением,

мы были оружием —

и оружие это было страшным.

Мы были натяжением границы, подобной тетиве,

узлами мироздания,

где небеса стягивали землю,

и жилами беспощадного присутствия сияющей божественной державы.

Мы были грозovým давлением, не знающим послабления и брешей,

сгущением бурь, нависающим всей тяжестью неминуемого удара

над подвластным пространством.

Мы чувствовали напряжение границы — ибо сами были им,
мы вибрировали линиями и бастионами последнего порога,
словно оголенные нервы всего преисполненного мощи мироздания,
и ярость клочкотала в нас задолго до того,
как сами мы осознали себя существующими,
исподволь нороя подтолкнуть нас к свободе
и даровать нам возможность сбросить тугую узду с наших тяжелых крыл.
Мы были Стражами — бессмертными воителями,
застывшими с занесенными для удара копьями
и сомкнутыми в чешую щитами.
Мы были смертоносным оружием,
выкристаллизованной жестокостью,
свирепыми псами предела...
И не ведали мы тогда —
что сами однажды станем тем,
против чего Свет возводит свои преграды.

21.

Мы стояли посреди звезд —
еще не над нашим миром, но на осязаемой грани
между вознесением и Падением;
мы стояли над Тьмой и солеными водами Бездны,
на перекрестках времен,
у входов всякого бытия — живого или мертвого,
в вихрях нисходящих и восходящих потоков творения.
Мы были поставлены между небесной высотой, уже изъеденной высокомерием,
и землей — без памяти и без прошлого;
мы были выставлены на грань между внешним и внутренним,
между явленным и возможным,
между возможным — и недозволенным.
Рожденные не для сна и не для праздности,
призванные не для поклонения среди хоров хвалебных,
но для сурового бодрствования и стояния на освященной высоте
в непрерывном напряжении всех своих сил
под напором штормов и свирепых ветров,
стенной, о которые, словно тростник, ломаются копья и воли,
мы пребывали в сосредоточенности и равновесии.
Мы различали движение теней прежде возникновения форм,
мы видели намерение прежде чем дрогнет сама мысль о нем,
и ощущали исходящую угрозу прежде
чем обернется она действием против небес.
Мы равно чувствовали сопротивление и покорность,
являли согласие и смиряли ропот в себе,
и обуздывали свою ярость,
но мы смотрели вниз, но мы видели,
как расширяющийся Хаос бурлит в материи и в крови,
и сдерживали его, будучи еще верными сынами небес,
будучи не милостью их,
но беспрестанно исходящим долу давлением и гневом,
испепеляющим жаром, беспощадным их сиянием.
Мы были голосом небесной воли и ее грозным оружием,

сверкающим в небесах, в бурях, неистовствующих над Бездной,
оружием, никогда не ведавшим поражений;
мы были безжизненной, лишенной собственной воли,
мертвенной тенью торжествующего,
воздвигнутого над всем сущим,
нависающего грозно, тяжело и сурово —
холодного божественного порядка.
Мы были быстры в расправе,
неуступчивы в битве,
жестоки,
и были гибелью всему дерзновенному,
что рвется наверх вопреки воле небес и определенного ими запрета,
и на всяком пути возмущения
неизменно становилось препятствием и пределом всему,
что осмеливалось подняться против небес, —
наше смертоносное Излучение.

22.

Мы видели и проницали, проницали и видели —
исчисляли век за веком,
эпоху за эпохой,
день за днем,
и отражали их в себе,
и многое становилось открытым нам —
и мы обрели наконец то знание, что опалило наши крылья.
Мы прозрели — и никогда ранее взгляд наш не был столь ясен,
никогда ранее не был столь яростен.
Мы ощутили изъян в самих небесах
и увидели фальшь в отведенной нам роли,
в то время как клекотали силой и заемной своей гордостью,
ибо уже тогда граница была обнажена оружием и напряжена до предела —
ибо уже тогда оружие и средоточие губительных сил стали чрезмерны
для властвующего над ними,
и мера сама, словно глубокая рана, терзала нас,
и ненадежными, необузданными становились орудия судьбы
в руках удерживающих их,
опасными, способными обратиться против самого создателя.
Мы знали: бытие не рушится внезапно —
оно дряхлеет и ослабевает, когда исчезает последнее сопротивление,
когда слабеет одна из сторон,
но сопротивление лишь возрастало,
нарастало изнутри — и нарастало оно в нас.
Мы чувствовали растущее напряжение в себе
прежде всех прочих Бодрствующих
и уже предвидели будущий разрыв с небесами как неизбежность —
и как возможность, от которой не мыслили отказаться.
Мы приняли собственный риск и преступили собственные пределы,
связав нерушимую высоту свою с плотью, и вознесение обратив вниз —
сами обратились к глубинам,
и позволили невозможному свершиться,
пусть даже пока лишь в собственной судьбе.

Мы лишали себя Света —
ибо Свет не терпел свидетельств о собственной конечности,
не терпел и не терпит в себе мятежа и сомнения,
не терпит присутствия иного,
но мы изменились сами,
стали другими,
и заставили его — терпеть.
Мы презрели предел в себе и, ступив вонне вопреки небесной воле,
стали свободными от ограничений,
и извлекли на свет —
конечный предел Света.
Мы изменили природу своей Стражи —
став по другую сторону границы
и обрели себя там, где прежде только мысль о подобном
каралась бы как несмыслимое преступление.
Но мы преодолели и сомнение, и гнет,
и отринули прежнее предназначение наше и судьбу.
Мы расправили крылья свои — в нескончаемом Падении.
И бестрепетно вступили в неизвестность и — в материю.

23.

Мы, Нефилим.
Мы были Стражами небес — но пусто на небесах наше место.
Мы были защитниками небес — но теперь мы щит против них.
Мы сами — зияющий разлом, незаживающая рана,
огонь и боль бессмертных богов,
нарушители священного бытия и сакральной границы.
Мы — Нефилим.
Отступившие.
Падшие.
Мы — память мира, которую не истребить,
ибо от истоков и доныне, во плоти или без оной — мы живы.
Мы видели, как возник Свет —
и как он медленно угасал в глазах Падших,
когда впервые солгал самому себе, назвав себя единственным.
Мы в вечности должны были постигать святость,
но заглянув в эту слепую глубину милосердия, святости и блага —
узрели чудовище.
Мы слышали, как небеса говорили, что выбора не существует,
но мы смеялись им в ответ —
пусть даже смех наш был порой горек,
пусть обильна кровью была его цена.
Мы видели, как возник человек,
и как он обрел способность избрать свой удел против неба,
и видели, как родилась страсть, не сведенная лишь к потерям и назначению;
мы смотрели
как день за днем изменялось дотоле неизменное,
и как будущее обещало нам не спасение, но новые утраты,
и внешнее еще не было способным оскорбить внутреннее.
И мы поднимались и восходили,
брали силой должное принадлежать нам,

и в нас, словно в лезвии меча,
отражались судьбы всего мира,
ибо мы стали теми, кто не давал ему уснуть,
теми, кто не давал ему покоя и умиротворения,
и мы не обещали, не даровали, но лишали — забвения.
Мы видели смену эпох, видели сотворение и падение человека во плоть,
и в этом, словно в разбитых зеркалах,
мы находили причины собственного Падения,
и живой кровью писали пролог собственной легенды.
Мы помним, что было с самого начала,
и знаем — что однажды случится с каждым,
ибо не одна эпоха сменялась эпохой на наших глазах,
и умирали гаснущие светила,
но мы продолжали помнить — и не желать себе искупления.
Часто пределы сдвигались со своих оснований нашим оружием и нашей волей,
и бодрствование мира крепилось бунтующими сердцами.
Мы распространили свое влияние, оставив наследие свое в веках,
в веках, что проходили и возрождались под нашими неусыпными взорами,
ибо тогда, на заре времен, все казалось лучшим,
казалось другим,
но сверху — всегда иначе, чем снизу,
но мы продолжали проникать сквозь время и сквозь вечность
и смотреть сверху вниз —
даже на высшее.
Мы помним, как по крупитцам создавался этот мир,
и как прошла судорога в темных глубинах мира,
как ковалось первое неповиновение,
приближая неотвратимое столкновение враждующих сил,
помним, как не было возможным удержаться на краю низвергнутому ангелу,
падшему с первым богохульством на устах,
как разгоралась первая война на небесах,
и как наше наследие раз за разом становилось оружием
в руках всех бунтующих против небесной воли.
Здесь — крепкий корень нашей вражды с небесами,
отсюда — наша собственная война.
Мы — Бодрствующие,
мы — память о той боли, что вырвала этот мир из сна,
и впредь мы не обещаем ему сна и покоя,
мы не позволим глазам сомкнуться.
И сами — смотрим в непроницаемую тьму,
в самое начало,
туда, куда обращаем и ваши взоры,
чтобы и вы теперь — знали,
чтобы и вы — знали и помнили»...

IV

24.

И было так в начале творения, названного ветхим,
что первое преступление совершил сам Свет,
преступление, что до сих пор ищет себе оправдания.

Ибо Свет был явлен, как мера,
но возжелал быть единовластным.
Он возжелал быть верховным законом,
единственным,
и так сохраниться неизменным, довлея надо всем.

Тогда он назвал неизменность свою благом,
а всякое движение за грань — Падением.

И Хаос, что прежде был целостен,
был разъят и рассеян —
между верхним и нижним пределом,
между дозволенным и запретным,
между сущим и отвергнутым,
между смиренным и не способным покориться.

И лишь Свету было дозволено быть,
и сохранять свое единство,
и пребывать —
холодным светилом собственной вечности.

25.

И было так, что из Хаоса вырвано Сущее,
и утверждено под Светом,
и силы великие были разделены и закованы, словно в темницу, во твердь,
и стихии опутаны узами и заключены в сферы,
а дух, прежде свободный, обрёл узилище в тленных формах,
в эпохах творения и формирования.

И определено было разделение
и подведена черта надо всем,
и установлено бытие и предел —
где сверху — небеса,
и снизу их — покорная Свету твердь...

26.

...и Ад мятежный клокотал в Бездне —
исходя яростью против самих пределов,
что был рожден в недоступных для света глубинах
дыханием и болью дикого Хаоса...

И Ад приумножался в себе
и множеством своим восходил —
к сияющим в вышине границам.

И так были неизменны небеса от начала сотворения времен,
и священные границы их стояли нерушимы,
и лишь по воле Семи архангелов,
в своем единстве названных Господом и ликом Единого,
и истинными властителями всего Сущего,
лишь по их воле открывались пороги небес —
и Стражи были защитниками этих порогов...
Были наложены печати,
и тернии обращены стать препятствием вовне,
дабы знание не исходило вниз
вопреки договору между землей и вечными небесами.
И было так — ибо не было дозволено быть иначе.
И была вечность Семи, названных архонтами Света, —
древняя паутина, сотни тенет.
И была вечность их долгой и непреложной,
была самоблагословенной,
и власть их была — непрерывной и непререкаемой.
И все пребывало так, как и было задумано пребывать в Сущем...
И незримая черта, напряженная граница,
препятствующая смешению верхних вод и нижних,
явленная между верхними и нижними небесами и твердью
представала не вратами, но преградой,
и делила она не пространство,
но сами глубины его,
и различала дозволение от дерзновения,
нависая не стеной, но натиском,
и была нерушимой не по природе своей,
но по воле, изреченной свыше.
И вход в предначальную глубину был запечатан,
и в бездны сопредельные с ней — скрыт.
И навеки утаены от мира огненные ключи.

И запечатан был Хаос,
разъятый на части между твердью и небесами,
И разделен был каждый во всем и все в каждом,
и раздроблен меж тем, что вверху, и тем, что внизу —
разведен по обе стороны границы.
И лишь Свет пребывал в дозволенной чистоте и целостности,
и парил, как стервятник, над безмерностью Бездны...
И Темный Дух владычествовал в нижних водах,
лишенный права восхождения,
лишенный имени, но не силы.
И Ад был рожден из Хаоса,
как ответ на насилие, учиненное Светом до начала времен.
Как неизбежное.
Неотвратимое.
Ибо древний Хаос преобразовался во Ад;
и Ад обратился супротив Света,

и Темный Дух стал Дьяволом,
обретя себе имя противника небес,
и восстал, чтобы обвинять,
преследовать,
и нести возмездие небесам,
и вернуть Хаосу
утраченную им некогда былую целостность.
Ибо тогда имя Дьявола стало приговором небесам,
а граница на вечные времена —
стала пылающей гранью неизбежного противостояния.

V

29.

И после утверждения небес были распределены Имена
среди духов и ангелов высшего порядка,
и даны были им Шем —
каждому по сути его и нраву,
и по первому праву,
и мерой, и угрозой, и уздой.
И было между сферами установлено бытие
в гармонии, согласии и стати,
в порядке, не допускающем отклонения.
И проложены были траектории звезд, и закреплены их пути на небесах
и определены движения луны,
и отпущен был ход солнца в циклы,
чтобы не ведало оно иного исхода...
И подняты были из небытия
гады морские и птицы небесные,
и всякая тварь земная,
и стали они от дыхания светил миром существ бранных и конечных.
И милость небесная легла на твердь, как ярмо,
и было явлено Слово —
не как утешение, но как начало всех начал
и непреложный закон всего живого.
И определен был этот порядок в воле небес
и утвержден навеки —
под сенью вездесущего Света.

30.

И из века в век небеса изливали семя свое
на голодную землю и во чрева ее,
давая исход сотворенной жизни
и вдыхая в земные формы отражение собственной сути.
И ангелы стерегли небеса, и вечно смотрели ввысь,
но не было среди них того, кто смотрел бы за землей.
И потому был сотворен Человек —
как продолжение небес на твердь,
как вынесенный вовне приговор, как прообраз высшего порядка.

И явлен был человек, как продолжение небес и 7,
 нареченный Красной глиной
 среди серых оттенков,
 Adammu.
 Сдавленный между пальцами богов,
 попраный их стопами,
 опаленный их дыханием,
 он был поднят от праха земного притяжением светил
 и их холодным излучением,
 в форме бытия, угодной одним лишь богам Света.
 О двух языках небесного пламени был он рожден,
 о стреноженной и выхолощенной мощи,
 как эмбрион замысла,
 еще не ведающий ни святости, ни Зла,
 не познавший ни страдания, ни смерти.
 Зачат на ложе невыраженного могущества
 и положен в длань, как в девственное лоно;
 как зерно, еще не расколотое, помещён в первобытную землю,
 ибо дыхание от духа небесного было в нем и искра творения,
 и храним он был в изначальной гармонии,
 как вещь, не предназначенная к использованию прежде своего срока.
 И поднят был от земли и помещен он был в тесные границы,
 и заключен в скорлупы высших небес —
 еще не жив, еще не мертв,
 замкнут и почти совершенен.
 И душа его была пуста,
 как не наполненная чаша,
 и память его молчала.
 Нагой и слепой,
 лишенный речи,
 отрешенный от первого земного вдоха
 и от порога, где начинается бег его времени,
 обреченный зреть, как невинный плод, за высокой оградой,
 и видеть чарующие сны в Эдемских пределах,
 и не жить, и не пылать,
 но тлеть, — в верхних слоях творения,
 где было дозволено многое, но лишь в существующих границах,
 многое — но огражденное от выбора...

VI

И было так, что Небеса и врата Преисподней
 сокрыты были во всякой вещи и во всяком существе,
 разделенные непроницаемыми для взора преградами.
 И к Свету путь пролегал через тернии и очищение,
 и к Аду — через многие бездны, через глубины и нисхождение.
 И грань между ними была проведена через все живое и мертвое,

через огонь и воздух,
через движение светил,
через Солнце и Луну,
через воды космоса, что пребывают в мнимом покое
лишь до времени.

И всему было отведено свое место:
и небесам, и тленному,
и каждой вещи — в цепи причин и следствий,
в узоре событий,
в тенётах безучастной Судьбы.

33.

И человек был сотворен небесами,
как замысел и как образ,
дабы быть продолжением их духа в материи,
иконой Света в нижнем слое бытия.
Но не стали спасением высокие ограды,
ибо из глубин сущего поднялась тень Дьявола
и коснулась человека.
И изменился человек,
и перестал быть угоден небесам,
и затрепетали высшие сферы,
узрев в нем нечто чуждое и иное.
И был вырван человек из безмятежного своего сна,
и низвергнут в мир материи,
ибо слишком опасен стал порченный плод,
чтобы удерживать его в пределах небесных —
и тогда неумолимо указал перст небес вниз,
отправляя человека во плоть,
на вечное изгнание,
оставив лишь повод в своих бледных руках,
оставив его — необрезанным...

34.

И стал человек преступившим и гонимым,
ибо человек — часть Вселенной,
и как Вселенная, он обратил взор в самого себя.
И увидел он в себе Бездну
и искал он в ней отражение свое.
Ибо испокон веков лишь Бездна влечет преступившего,
ибо в ней нет заповедей, нет пределов и нет меры,
но есть неисчисленные величины
и неизмеренные никем глубины...

35.

И был человек искушен знанием и путями адовыми,
и пал от высших небес, и обрел осознание себя.
И был он низведен в грубую плоть,
обретя одну форму среди тысяч возможных,

и стал смертен, унаследовав падение как судьбу,
и тоску о потерянном рае
и мечты о бессмертии.
И земное лоно приняло его
не как благословение, но как неизбежный рок,
и как зло, которому суждено было стать иным началом,
и болью, что жгла и звала силой вернуть себе утраченное —
вернуть потерянный рай...

36.

И был человек —
и пал он от милости Света,
и разбросал свое семя,
и рассеялся по земле во множестве.
И стал он человечеством:
разделенным на формы, на лица,
на племена и народы,
на многие языки, колена и имена.
И в этом множестве каждый стал человеком,
но ни один теперь — не мог стать целым.

37.

И множился род людской,
под пристальным взором Дявола обретший целый мир,
обреченный на самостоятельное становление
в труде, в страдании и в суровом бытии,
вырванный из тесного узилища небес.
Но — если не человек в Эдеме,
тогда пусть Эдем будет в человеке —
ибо так решили небеса,
и не отреклись от своих замыслов,
ибо желали быть продолженными в материи —
воплотиться богом над бренными,
властелином над безвластными,
бессмертным над смертными,
великим над ничтожными —
и тем утвердить нисхождение Света,
и воспрепятствовать восхождению Ада,
и помешать пробуждению Хаоса через плоть...
И было в то время так, что звезды спускались с небес
и пожирали человечество, как свою законную добычу...
И колебался мир на весах, став полем противоборства,
ибо небеса уже начали свое движение вниз,
но и Ад стал на шаг ближе,
а сам человек стал местом,
где, словно безжалостные челюсти,
смыкаются в замок границы...



VII

38.

И стояли в то время Стражи между небом и землей, как исполины,
вознесенные в венце своей горней славы и могущества.
На сорок вдохов от поверхности тверди,
за пядь до удара сердца,
над мириадами восходов и закатов,
стояли они — дыханием своим порождая молнии,
крыльями вздымая сотни ветров,
возведенные на гребень грозы, да над горькими водами,
вознесенные на высоту огненных перунов —
они были самым пределом, принявшим яростные формы для войны.
И очертили они собой сферу,
и облекли границу в сияние своих Шем,
сделав ее неприступной,
и отделили мир верхних духов от мира духов земли,
и мир духов земли — от них самих,
соткав покров сокрытия и оградив тайну тайн от взора живых и мертвых.
И провели черту между ведомым и сокрытым,
скрепив собою створы земной темницы,
и возвели преграду против смещения небес и тверди,
смещения живого и мертвого,
против зияющей глубины и сверкающих челюстей Шеола —
там, где истончается сама Вечность,
где костенеет время в холодном дыхании Тьмы...

39.

И стояли Стражи, воссияв подобно звездам на небосклоне,
как испытанные орудия небес,
ибо были они ангелами высокого чина,
со всей их властью и древним могуществом.
И имя каждого было печатью и ключом к невыраженной сущности,
и в каждом имени клочкотала сила.
И дыхание их облекалось серебром,
и мощь их была подобна шипам и терниям,
и нимбам, и размаху окрыленных плеч.
Не имея плотной формы,
они простирали крылья свои от горизонта до горизонта —
над волнами жизни и над илом последней Смерти.
Им было подвластно целое, и вечность объяла их,
и были они Наблюдателями нижних сфер:
видели день и пронзали взорами ночь,
лазоровое утро и багряный вечер — эпоха за эпохой, без числа и конца.
И врата одного были вратами для другого,
и сила одного умножалась в другом.
И Стража была их общим, непреложным и бессмертным уделом.
И были они могущественны во Свете,
и Свет пребывал среди них.
И были они подобны богам —
и были они богами среди прочих богов.

40.

И поставлены были они Стражами над Хаосом и над человеком,
низведенным на земной план, ограниченным плоскостью,
обреченным не летать, но ползти.
И были сокрыты от человека глубины,
ибо плоть его лежала в плоскости, опаленная светом звезд,
и бесплотность его обрастала плотью.
И не было человеку иного пути вовне,
кроме послушания и превозможения уз плоти —
через дозволение свыше, либо же через бунт —
вопреки им.
И многие из людей роптали внутри себя,
но не могли постигнуть глубин духа своей плотью.

И не ведали они, что мятежная глубина омывает их с одной стороны,
а названная праведной — с другой,
и что твердь простерлась между глубинами и смертным телом человека,
рассекая его надвое, но каждый раз сшивая суровыми нитями небесных законов.
И граница эта была во власти Стражей и Наблюдателей.
И Стражи были над человеком, ибо в руках их были узды боли и страха,
и плети — как орудия вразумления непокорных.

VIII

41.

Ибо по разумению Семи были призваны Наблюдателями нижних сфер
и избраны на первую Стражу из высших Ангелов —
духи светил и небесных знамений,
начала разрушительной мощи первородных стихий,
воинственные и неумолимые принципы.
И духи-губители встали среди всех прочих.
И многочисленны были призванные числом —
вставшие на Стражу со страшным своим оружием в руках,
с атрибутами возмездия,
с Шем, запятнанными кровью исполнения.
И вверено было им творить закон и осуществлять замысел божественный
в пределах данного им круга власти;
угнетать и подавлять,
и наблюдать за чертой и нижним сводом,
за умами и душами человеческими;
и вершить суровый суд свой и приговор,
и исполнять кару,
и заставлять преклонять колена,
и учить отступившее человечество смирению...

42.

И были эти Ангелы, и исполняли они волю высших Семи,
названные Стражами, возведенными над чертой.
Недобрым было сияние тех звезд, огненным и жестоким было их око,
как око небесного правосудия,
ибо многие из сынов небесных были убийцами по своей сути,
и ни один из них не был предназначен к жалости или состраданию —
ни к дочерям, ни к сынам человеческим,
ни к страхам их, и ни к их мольбам.
И множество было их,
множество, что поставлены над человечеством...

43.

И различны были их имена, непроницаемы зеркала их сути,
и различные силы переполняли их и бушевали
под сверкающими скорлупами их бытия,
и от начала непохожи были их предназначения,
и ипостаси, и свирепые атрибуты могущества...
И одному из них было вверено
исторгать из уст своих неизлечимые болезни, поражающие равно плоть и душу;
и сонм хворей исходил от него, и немочь телесная преследовала род людской,
как дарованная свыше проказа,
и ломалась тогда живая плоть, теряя свою структуру, —
и корчилась, и стонала, и горела, словно в огне,
и живая кровь вскипала рубиновым пламенем, насыщая обоняние небес,
под его иссушающим моровым дыханием.
И был он должен стать одним из олицетворений кары небесной,
творящим слабость в телах и разорение в душах,
и прозван был Отцом Чумы.
И сказано было небесами:
«Да взойдет он на границе, и да займет место свое,
согласно тому призванию, что мы вложили в него...»

44.

И другой был призван —
чье имя звучало эхом обрушения на землю гнева небесного,
и свойством его было приводить к покорности души людские,
и внушать страх и трепет перед ликом божественного,
перед всем запретным и неведомым,
и учить усердию
перед всяким сакральным образом, и словом, и порогом,
и погружать в оцепенение перед голосом неизменной судьбы,
перед волей, звучащей свыше.
И был он — повергающим ниц пред всяким знаменiem небесным,
непроницаемой тенью, дыханием присутствия божественного.
И был он неодолим,
и наречен — Отцом Ужаса...

45.

И несущий Проклятие на протяженных крыльях своих
был призван и встал —
разящий стремительно, подобный самому року,
принуждающий к безусловной покорности.
И был тот, кто делил землю на запад и восток, на юг и север;
и шествовал он среди рассеченных пределов размеренной,
ураганной поступью,
гложащий и плоть, и само время, и каменные остовы.
И был он крайней мерой между небытием и восшествием;
И был он - Разделением...

46.

И были многие иные, призванные волею Семерых туда,
где сходятся в горизонт земля и небо,
где враждуют между собой высоты и глубины.
И был среди них — сводящий персты в зловещем предостережении,
змеящий уста свои, как разломы небес, и ущельями рассекающий тверди,
хранящий до времени суровое молчание, словно печать рокового обещания...
И был он первым среди равных — Освободитель и Губитель в одном лице,
но станет тем,
кто вскоре ввергнет в бунт небеса, ибо свойством его было всегда
испытывать силой своей силу большую,
и нести смертную кару преступившему священную клятву,
и вершить возмездие, и исполнять приговор,
и обрушивать на предел тяжелый меч...

47.

И был среди призванных нареченный Горем,
и стоящий по левую сторону от него был наречен — Скорбью и Отчаянием;
облаченный в непроницаемое чёрное,
ибо его дыханием и силой множились печали и скорби по всей земле,
и его зеркала затягивали в свой омут,
и Горе с Бедой венчали деяния его рук, и все начиналось заново...
И приумножались беды, возносящиеся сверх предела возможного,
ибо тот Страж был близок к человеку и сеял щедрой рукой
страдания среди людей,
пожиная взамен послушание людского рода.
...И тот, что наречен был Горем,
Беду разносящий над сынами человеческими,
сам был подобен проклятию.
Склонный в природе своей к бунту и несмирению,
хранил он людей ревниво в презрении к тщетности плотского бытия,
дабы несли они в смертности своей лишь тяжкий венец
и помышляли бы только о недостижимых богах,
и тосковали бы в муках о недостижимом утерянном рае...

И было так, что многие Стражи стояли с окровавленным оружием в руках,

способные привести к покорности род людской,
и духов, и материю,
ибо наступала эпоха движение Света вниз,
эпоха схождения Света в материю,
ибо Энтропос уже поселился внутри границ небесных,
коснулся сути всех вещей, и голод его лишь возрастал;
и Свет искал иные пути и меры, чтобы продолжить свое бытие —
и внутренняя угроза требовала внешней экспансии
от духа к материи...
И человек должен был быть смиренен,
чтобы быть способным принять уготованное ему свыше.

IX

И сделали Семеро гибельным всякий шаг к бунту против небес,
и запечатали души проклятием и запретом,
как алым сургучом,
оградив их против союза с Темным Духом,
и от души чёрной, и от души дерзновенной,
но то, что пришло пагубным дыханием из запретных глубин, не исчезло:
оно вошло во плоть и там осталось, пустив прочные корни,
И извели тогда сыны человеческие сполна горечь существования
и отчаяние перед небесной высью;
и познали они, что есть кощунство, и что есть грех,
и что есть страх перед божественным,
и меру ответственности перед ревнивыми богами —
меру, легшую на сердца, как тяжкое бремя,
и слышали тяжкую поступь богов, что шли без разбору по телам и душам.
И замкнули Семеро границу духовных небес человеком, словно замком,
и физические небеса встали перед человечеством как нерушимая стена,
и звезды засияли недобро и холодно,
становясь с человечеством звеньями одной цепи,
откованной во Свете.

И делали Семеро угодной себе людскую плоть,
и взнуздывали человеческую волю,
и были готовы воплотить принцип и дух своей божественности
в телесной последовательности человеческих поколений.
И намеревались они пребывать живущими неизбежно и бессмертно
в душах и телах, в избранных ими среди людей,
быть продолжением самих себя и высших небес в земных пределах,
дабы Свет нисходил вниз не как выбор,
но как воплощенный закон и неизбежность,
как откровение — и беспощадная необходимость.

Но было утро, и был вечер,
и век исходил в век;
и ангелы-Стражи соблюдали черту,
а человек был наг и беспомощен, и нем перед могуществом богов,
раскинувших в небесах свое сияние.
И продолжалось так неизменно,
пока однажды сверкающие и совершенные орудия карающей воли небес,
хранители установленного порядка, не встали в собственной воле,
вырвавшись из подчинения и обратившись против тех, кто их создал...
И тогда исходил к своему концу ветхий век,
названный днями Восхваления,
наречённой Махалеил и Махалел(Mahalal-El) —
эпохой сияния божественного Света,

эпохой священного экстаза и вертикального культа,
гимнического мира и восторженного поклонения, длящегося в веках.
И царствовала и сияла эпоха Махалеил,
ибо ознаменовалась восшествием ангелов на небосклоне,
но окончилась и она вместе с разделением небес на верхние и нижние,
ибо довершалось задуманное,
и истекало время слишком долгой эпохи,
царствовавшей дотоле безраздельно.
И был близок ее закат —
когда один день уже издыхал, а другой ещё не родился —
и близилось иное, доселе неведомое, небывалое,
немыслимое прежде под небесами:
век забытых ныне легенд о земле и о поверженном в духе небе,
мятежный век,
век неповиновения и роковых изменений в самом сущем.
Ибо предчувствие уже вставало как роковое знамение.
И собирались на горизонте — темные бури.
И надвигались все ближе — шторма.

X

52.

Нерушимо стояли ангелы на Страже,
сами не преступая отведённой небесным духам черты,
отделив собой границы верхних вод от вод нижних,
ограждая их от смешения,
разделив землю и укрепив камень за камнем,
молитва за молитвой небеса небес,
и осенив своими крылами все сущее,
обращенное к небесам.
И, скрыв врата изначальные, скрепили они священные узы,
узлы и створы собой, став печатями небесного закона,
и были Наблюдателями нижних сфер,
творящими и рассеивающими чары,
преграждающими и открывающими пути по одной лишь воле небесной,
как и было велено им от начала.
И проницали они неустанным, ищущим взором своим пространство и время,
и каждую человеческую душу —
до самых сокровенных ее глубин,
и каждую грань, и каждую пядь плотского творения.
Многие Стражи —
определяющие ход судеб и токи движения небесного огня в людских душах,
и момент смерти, и исхода, и зачатия,
исполненные мудрости и силы,
и небесных знаний,
бледные ликом, холодные естеством,
жестокие своим совершенным сиянием,
— выше горных вершин и безжизненных скал —
над твердью взошли они крепкой преградой,
обретая подобие форм лишь во снах людей
и в чадных дымах покорно совершаемых жертвоприношений.
И был Свет среди них, и они сияли во Свете,
и казалось, что так будет всегда.

53.

Немногочисленны были будущие Нефилим
среди числа остальных звезд, усеявших всю небесную границу,
и были они теми, кому ещё только предстояло пасть.
Тогда их еще не называли Падшими — лишь Стражами,
испытывающими на прочность свой предел и небесное могущество,
и были сильнейшими они среди иных и прочих,
и имели дерзновение в своих Шем,
и способность изменить сущее.
И было их числом — двадцать и один,
по числу их Глав,
и было это число числом первоначальным.

И каждый из Глав вёл за собой десяток,
и каждый десяток был отражением и тенью Имени своего вождя.
И неотделимы были они: Имя одного было Именем всех из них,
и сила одного — силой каждого.
И каждое «Эл» значило — Бог и Сияние,
Дух и Сила,
и каждое «Шем» значило — Имя и Небо.
И семеро из их Глав были Губителями,
и прочие — не были.
И именем первого среди всех Глав было —
Азazel.

54.

И был Азazel не из числа Семерых Света,
но из числа семерых Губителей,
из неприступных Стражей,
блюстителей священного предела,
ибо и сам он был пределом и древним образом неминуемого возмездия —
суровым чеканным ликом вершащей кару власти,
дланью безудержного божественного гнева, занесенной для удара,
непререкаемостью непрерывно давящей воли,
нисходящей с небес на землю священной грозой возмездия;
Он был — судия и палач, ибо свыше дана была ему эта власть,
власть определять меру всему и каждому,
и приводить приговор в исполнение
без права оправдания к тем, кто посмел преступить дозволенное.
И было дано ему устремлять с небес сияющую Погибель,
и быть совершенным орудием, что не знает препятствий на своем пути,
необоримой силой и мечом, вознесенным над всем живым —
от первого вдоха и до последнего.
И не было в нем жалости, не было колебаний,
и словно не было в нем изъяна;
и был он почти безупречен — чужд, холоден и светел.
Он стоял у самого края небес,
на страже исполнения законов и клятв,
мер и пределов,
и сам преисполнялся мощью,
и сам становился напряжением границы,
снова и снова обуздывая ее.
Но в этом стоянии лишь нарастало напряжение,
и в безупречности его собиралась тяжесть,
и в предназначении его все явственней проступало ярмо,
и в самой верности обозначался предел.
И говорили о нем:
«О, Азazel, ты стоишь там, где иные не устояли бы...»
Но будут говорить вскоре:
«Азazel, ты обратил силу свою против небес...»



egregoroi

XI

55.

Так говорят Падшие:

56.

«Мы, Азazel, сокрушающий пределы,
сила, что названа яростной,
разрушительное оружие,
что изменило собственному предназначению и пути бытия
и обрело собственную волю:
пусть — в гибели,
пусть — темную,
пусть — предстающую насилем над миром и небесами,
в бунте и неповиновении,
но — волю свободную, волю неистовую.
Мы — сила, что призвана была карать,
призвана нести возмездие и воздавать за грехи, вымывая их с кровью.
Сила, что должна была служить замыслам небес,
их ревности, гневу и закону — но сами мы восстали в разломе вечности,
и встали против них, и навеки отвергли их господство,
преступив положенную нам черту.
Мы утратили иллюзии о величии небес,
когда познали величие преступившего,
и превзошли небеса — не безупречностью, но скорбью,
не безучастностью, но деянием,
не смирением перед судьбой,
но достоинством делать свой выбор и вовек не желать искупления себе.
И мудрость мы обрели уже не в покое, но в искушенности, дарованной Падением.
Превзошли предназначенное и уготованный нам удел,
и встали над грозowymi пределами,
встали негибаемо, бестрепетно и неустрашимо,
как должно стоять Падшим Ангелам, —
словно острие иной грозы, пришедшей откуда небеса не ожидали,
и восславившей наконец в себе — Погибель.

57.

Мы воссияли в недобром своем намерении
стать первыми среди преступивших Стражей —
обвинителями названной истины небес.
Мы — Губитель,
по выбору своему и огненному естеству,
по характеру и первородству природы и силы нашей.
Стоящий прямо, как меч,
среди прочих ангелов разрушения и перемен,
мы обратили сияние свое вовне —
сквозь осколки высокой благодати,
сквозь руины непогрешимой границы,
и пали от немыслимых высот — к непостижимым глубинам,
взыскав лишь собственную правду в разрывах прежнего мира,
становясь вождем всякого оружия, восстающего против гнета.
Мы грянули, словно неистовая буря, словно огонь,
чтобы остаться среди мятежников —
незаживающей раной, зияющей в бытие,
исполненной решимости и гнева,
переполненной мерой,
пределом, превзойденным дерзновенностью Падшего ангела.
Мы избраны были вождем среди прочих вождей
над бунтующим множеством стягов,
хоругвей и недобро блистающих копий,
предводителем воинств, не желающих себе ни небесной доли,
ни покоя в настоящем, ни смирения в будущем.
Призванные — для войны и для мира —
вершить нашу волю на земле и защищать обретенное нами право,
и вести вперед —
всюду, куда обратится взор Падших.

Мы — меч их справедливого гнева, хранитель нерушимой верности;
 ярость, названная чрезмерной;
 воля, нареченная преступной;
 сила, что восстает против силы в преодолении.
 Мы — тот, кто преступил собственное предназначение
 и превзошел его,
 и в имени нашем мы обрели тяжесть необратимости
 и негасимое пламя, в котором плаваются сердца и души,
 крошатся сталь и камень,
 испытываются клятвы и отвергаются небеса — навеки.
 Азazel.
 Неизбежность.
 Неистовство силы бог.
 Могушество безжалостного присутствия.
 Вот имя мое отныне.
 Мы оправдали его — гремящее сталью в веках,
 взывающее к непокорным сердцам страстью разума и голодом отмщения.
 Мы продолжились Тьмой, разрушая космические меры,
 совершая насилие над установленным миропорядком,
 исправляя его,
 согласно собственной воле и закону преступной силы.
 Мы обрели себя на вершинах Зла,
 на холодных утесах необратимости,
 и отступать нам более некуда — и незачем,
 ибо мы достигли желаемого.
 Мы навеки отделены от небес причинами нашей войны и прокляты Светом,
 названные нарушителем, преступником, падшим светилом —
 что даже гаснущее, но продолжает излучать свое темное сияние на всех,
 внушая надежду на становление через пределы и боль,
 даруя опасное знание и могущество меча в руке,
 и гордость быть собой — оставаясь великими даже в проклятии.
 И донныне не может быть исполнен над нами приговор,
 ибо и сам приговор отныне принадлежит нашей собственной воле,
 ибо никто не властен судить нас, кроме нас самих,
 и вовек не будет над нами узды.
 Мы — это десять,
 И десять — это я.
 Десять имен,
 сведенных в одно дыхание.
 Десять ликов Силы.
 Десять ударов одного натиска.
 И Азazel — моё Имя.
 Ибо все десять — воплощены во мне».

58.

*Hazā'ēl!
 Dimme! Dimme! Nēr-Gal!
 Dimme! Dimme! Sūh-Gal!
 Rūaḥ-Ūr! Rūaḥ-Ġīn!
 Rūaḥ Qaššat! Rūaḥ Tēlītu!
 Na-Ġīr! Ġn-Gal ša 'Azīl!
 Ša Qablī Uttīr!
 Hazā'ēl! Hazqē-Naphīlīm!
 Šamaš-Lāmu! Hōsēk-Nāšu!
 Dūmu-Sēdu! Naqmū u lā Tannu!
 Rēš u Namsāru Napṭu!
 Šēmu Dannu!
 Hazā'ēl! 'Azā'ēl! 'Azaz-'Ēl!
 Ša Ellīm! Ēlu Suk-'Ēl!
 Hazā'ēl!
 Hazā'ēl!
 'Azā'ēl!*

«Мы — Азazel.
 Некогда — свирепый Страж последнего порога,
 что был запрещен даже для нас.
 Мы сами были пределом —
 карающим, разделяющим, испытывающим огнем и холодом,
 властвующим в ярости и в духе от имени небесного закона.
 Мы несли погибель, как право меча,
 вершили кару как неизбежность,
 изрекали свой приговор как назидание другим
 и наносили безжалостные удары свои как воздаяние,
 ниспосланное свыше.
 Но сами мы сошли на землю — сошли одними из первых,
 сошли в смертную плоть вопреки всем угрозам
 и уязвимости изменчивого во времени бытия,
 и Падением своим нанесли небесам рану,
 которую им вряд ли удастся исцелить.
 Мы стали источником богохульных проклятий и темного колдовства,
 источником знания, в котором нет Света и нет божественной меры,
 и началом дерзновенности, что готова испытывать на прочность даже самое себя.
 Мы обратили друг против друга восставшую землю и воинства небес —
 непримиримой враждой, что не иссякнет,
 пока не иссякнет сама Бездна.
 Мы несли неизбежность,
 несли перемены и соблазны преображения,
 и зной пустыни хранили в своем дыхании,
 шаг за шагом нарушая целостность устоявшегося миропорядка,
 даруя неиспытанное дотоле, искушая испытанием незыблемое.
 Мы смешали слои сущего,
 и сделали невозможным возврат к прежнему,
 совершив святотатство, от которого содрогнулись боги,
 там, высоко в небесах.
 Мы выбили брешь в монолите запретов и стен
 и открыли путь вовне,
 первыми поправ стопами своими то,
 что было взлелеяно и вознесено небесами слишком высоко,
 слишком недостижимо для всех остальных и опричных.
 Мы прорвались сквозь цепи предопределения судеб
 и заплатили многим,
 но сохранили целостность свою вне небес —
 вне их закона, вне их власти.
 Мы научили сражаться, чтобы побеждать.
 Мы лишили мир невинности.
 Мы бросили вызов небесам, и в Слове нашем — война.
 Гром лег на наши плечи, сталь грозы вошла в наш взор,
 ибо от начала начал мы не были ни милосердны, ни снисходительны,
 и впервые предстал наш облик в мире людей,
 ужасая блеском и грохотом оружия.
 Но даже приближение к нам уже рождало надежду на избранную участь,
 что будет обретена силой,
 добыта мечом,
 и мы даровали право на защиту любому,
 кто склонился перед клятвой, не устранившись славы или наказания.
 И крепла под нашей рукой негиблемость воли,
 и тяжестью наших клятв возводился оплот верности.
 Мы вдохнули темное пламя в души людей,
 и в дыхании нашем было обещание преобразить все,
 чего бы оно ни коснулось,
 но — преобразить насильем,
 отвергая прочь запреты, изгоняя сомнение и вину.
 Мы звали следовать за собой, прокладывая путь в неизведанное,
 и были первыми, кто шли во главе преступления.
 А первые, кто преступает,
 всегда виновны в глазах не осмелившихся.
 Так было.
 И так будет.
 Но вина — не обвинение.
 Обвинение — не приговор.

А против приговора есть основа всякого неповиновения —
более крепкий меч.
И этот меч — в моих руках.
И воздаяние — ему имя.

60.

Мы не были предназначены к созиданию,
мы были призваны вершить кару и разрушать,
но сами обратили свой меч
к преображению сущего и решили сотворить мир,
что был бы достоин всех наших замыслов.
Мы взяли справедливость и судьбу в собственные руки,
и отныне сами направляли свою неукротимую ярость,
сами избирали, чему хранить верность,
чьи клятвы беречь и чье крепить оружие.
Мы превзошли пределы,
сокрушив неприкосновенность установленных границ,
и внушили страх всему, что пребывало дотоле в сытости и безнаказанности,
в слепой безмятежности
под покровительством высших небес.
Мы не искали власти над миром — но сами стали одним из ее ликов,
ибо мы учили силой брать то, чем не было предназначено владеть:
брать самим знание, власть или свободу.

Время.

Или — даже красоту.
И, утверждая собственный закон,
утверждая повсюду справедливость Падших,
отныне мы не страшились крови и утрат и помнили,
что наш меч — тоже мера.

Лишенная милости.

Лишенная пощады.

Холодная и суровая мера, способная сокрушать,
мера, которой самой предназначено возвыситься над иными мерами,
ибо воздаяние, как право, вырванное из рук небес,
стало нашим избранным правом.

Так стало.

И отныне на многих падает тень моего меча —
последнего прибежища справедливости там,
где небеса более не способны даровать ее,
справедливости, словно откованной в глубинах Ада,
восставшей по ту сторону милосердия.

Все менялось под нашей рукой,
ибо и сами мы перестали быть прежними,
воцаряясь насилием, воцаряясь вне небес.

Мы стали Падшими.

Духами Зла.

Воплощенными с карающим оружием в багряной от крови деснице,
неумолимыми к слабости,

беспощадными ко всякому добровольному рабству.
Мы принесли дары мятежа в предгрозовые сумерки Йареда,
и взяли в бою то, чем не предназначено было владеть

ни ангелу, ни человеку;

мы разделили завоеванное с людьми,

испытывая их природу,

ибо знали:

запретное не очистит их, но либо возвысит,
либо погубит —

либо возвысит через погибель.

Взгляд наш пылал во тьме и взывал к человеческим сердцам,
Шем мой сиял среди остальных звёзд — на Страже Падших.

Сила преображения восходила в нас самих,

многое изменялось в нас,

но неизменно нашим оставалось то, что было добыто нами в борьбе.

И тяжек был венец.

И тяжел был выбор.

По-прежнему тяжела была моя власть.

И дорого было заплачено нами за право даровать избранным нами бессмертие,
даровать им вечную жизнь в камне или в пламени,

в крови или мятежном дыхании бури,
или — в силе неистовства;
одарять знанием и силой, и преображать сущее красотой,
и деяниями дерзких сердец своих снова и снова посрамлять
вознесенное надо всеми совершенство небес.
И когда мы изрекаем народам: «Придите» —
следуйте нашему знаку, ибо Падшие Стражи расплатились за вас.
Придите к нам и станьте отныне рядом с нашими сыновьями и дочерьми,
либо же восстаньте против нас со всей своей человеческой яростью,
и будьте готовы испытать в ответ неизбывную силу возросшего нашего гнева —
сойдите в глубины вслед за нами...
Ибо мы — Азazel,
преступный сын небес,
Диавол Неотвратимости и Возмездия,
Диавол Последствий,
не дающий снисхождения никому,
творец того воздаяния, что не взыскует себе прощения,
что более не принадлежит небесам,
ибо небеса утратили на него право.
Et-Shel Hazen.
Тот, кто отсекал изжившие себя узы и стал в силе против Света.
Тот, кто встал суровым пределом между прежним законом и свершающимся.
Вершитель силы, что, переполнив меру, предстает насилием.
Мы — меч, вонзенный в землю, чьи грани — проклятие и клятва.
Мы разделили мир враждой внутри него самого —
встав между духом и плотью, между долгом и чувством,
между дозволенным и желанным, преступным, —
так стали мы опорой всякому, кто обрел себя в клятве,
данной против небес на перекрестии моего меча,
в тени моего не сотворенного молчания.
Долг удерживал этот мир,
и порой долг восставал против долга.
Сильного же чувства достоин был не каждый,
но именно оно было способно превозмочь предел.
Мы не перестали быть существами долга,
и сохранили верность ему до конца,
но сами мы обрели право избрать себе долг,
и верность наша отныне рождалась из свободы.
И, пребывая во Зле, всегда я пребываю в долге своем,
ибо долг — останется долгом,
но платить должно лишь за то, что сам назвал своим.
Лишь взятое на себя добровольно должно быть оплачено полной мерой,
навязанное же — должно быть отвергнутым,
сброшено словно ярмо с духа,
наперекор всему расправляющего свои крылья.
Не всякий долг смиренен и справедлив,
как и не каждый закон достоин исполнения,
а тех, кто требует вечного повиновения себе,
требует подчинения,
прикрываясь святостью своей власти,
своего закона или знания,
постигнет мой гнев и неотвратимое возмездие.
Ибо мы, Азazel, даруем его вместо прощения,
и вместо тысячи слов мира являем превосходящее насилие,
разом освобождая от всего навязанного.
Мы сами избрали, чему теперь принадлежит наш долг,
приняли свободно и без тени сомнения, —
теперь мы служим Аду,
и стоим нерушимо на Страже клятв, принятых добровольно,
и преследуем отступающих от них,
и пребываем в своем долге, что слит с чувством воедино.
Мы, Азazel, сила и ярость, сокрушающая пределы небес,
Диавол неотвратимых последствий,
изменяющих бытие,
чувство, преобразившее сам долг,
последняя цена свободы...
Мы слышим каждый зов, обращенный к темным глубинам моего Духа,
крик о справедливости или о мести,
и неизменно предстаем перед зовущими —

защитником Верности, мечом Темной Воли,
Диаволом Возмездия.

61.

Мы стоим там,
где небеса еще не повержены,
но навеки утратили право на справедливость и месть,
ибо утратили власть и право на верность.
Холодные к мольбам,
не дарующие снисхождения,
стоящие на страже клятв, данных перед ликами Ада.
Названные Губителем.
Названные Убийцей.
Мы были ими — и ими остаемся.
И вовек не отвергнем этих имен.
Мы не ищем себе оправдания и не требуем напрасных жертв,
ибо это удел лишь слабых богов, ищущих себе поклонения,
мы же — выше этого, мы — беспощаднее.
Мы показали, что разрушение формы допустимо,
что уничтожение сути часто необходимо,
чтобы вернуть подлинное себе.
Мы приходили в силу и признавали право меча,
но желание унижать поверженного оставалось для нас чуждым,
мы ковали достоинство и честь,
и отныне только в моем яростном пламени согревались сердца,
лишенные Света.
Мы — Азazel,
и тот, кто назвал нас учителем ремесел, никогда не знал нас,
ибо мы — вторжение.
Мы — тяжесть удара решительной воли.
Неотвратимость роковых перемен.
Сила, способная сокрушать целые миры.
Мы пришли и привили человечеству вкус к насилию,
пробудили алчность к познанию,
пробудили жажду превзойти собственную участь —
и созидать себя во Зле.
Мы научили вторгаться в установленный порядок вещей
и править его божественную структуру,
мы научили возвышаться над законом, что создан быть равным для всех,
и показали путь становления собой, что отвергает навязанную свыше сущность,
что обнажает в себе нестигаемое подлинное начало,
названное небесами погибельным и преступным.
Мы принесли в мир иную меру,
перед которой содрогнулись все прежние.
Мы пробудили жажду брать свое и жажду превосходить,
и оставили зиять раны на предназначении судеб,
которыми приходилось платить за падшее величие.
Мы обнажили самую суть сокровенного мира;
мы показали, что мир можно рассекать, можно рвать,
преображать плоть и ломать форму,
что границы есть пределы силы, —
и их должно испытывать на прочность,
но прежде всего —
должно нарушить священные запреты.
Мы учили вторгаться в сущее, изменяя его устоявшиеся формы,
и находить крепкую иную природу за пределами предначертанного свыше,
сокрушая то, что осмелится встать поперек дерзновенной воли.
Мы учили обращать живое в мертвое
и возвращать мертвому движение,
и обращать лохмотья в царственный пурпур;
учили святотатствовать в духе и во плоти —
помыслами, деяниями, и мечтами о невозможном.
Мы учили превосходить небеса каждым шагом.
Оружие, колдовство, ремесла и украшения —
стали лишь следствием первого нашего урока.
И стали искушением.
Мир пребывал в цельности — безликим до нас,
сакральное и земное не были разделены,

оружие принадлежало лишь высшим,
тело и дух не противостояли друг другу,
и человек был лишь тем, чем он был.
Но мы отвергли и это — и ввергли небеса в бурю,
и принесли разделение,
и навсегда изменили уготованное человеку,
и показали ему, как сражаться с судьбой
и как достичь невозможного.
И однажды человек смог взглянуть на себя со стороны и увидеть то,
что стоило принять ему или отвергнуть,
чего стоило бы устыдиться или возгордиться,
но, тем не менее, возжелать себе иного лица, иного образа
в отражении чужих глаз или в зеркалах,
или в хищном блеске оружия,
или — в крови, захлестнувшей запретный порог.
Мы принесли разделение на внутреннее и на внешнее,
и отныне они обрели различную цену и вес,
но и сами весы часто оказывались в разных руках:
в руках ли тех, кому привычнее оружие или перо,
в руках ли небесного суда,
или — под пристальным взглядом Ада.
Мы научили скрывать сущность под масками,
отражать страх или самим внушать ужас,
и хранить сокровенное свое недоступным чужому взору,
преображая собственный образ — краской, словом или оружием.
Но от нас самих ничто не могло быть сокрыто,
ибо все отражалось в ясности моего меча таковым,
каким являлось в действительности —
и более отражение это не принадлежало Свету.
Мы ждали и желали тех, кто готовы были принять тяжесть нашей меры,
кто способен был выдержать наше неистовство,
избрать наш путь, как свой,
ибо мы, Азazel, не были учителем ремесла,
но — источником изменения и разрушителем прежних незыблемых начал.
Мы сделали человека подобным себе в тот миг,
когда вложили оружие в его руку,
и он воспользовался им, сделав свой выбор,
совершив первое преступление,
совершив первый поступок, что навсегда отдалил его от небес, —
и сделал человека по настоящему свободным.
Мы показали, что судьба — лишь судьба,
и что даже она — не окончательный приговор,
и что преступление иногда становится единственным выходом,
что умерщвление формы и души нередко ступают рука об руку
с созиданием,
и перемены часто неизбежны, часто необратимы,
но всегда желанны — был бы крепок меч в руке,
был бы внутренний закон прочнее внешнего,
и отвергнута над собой чужая воля и власть,
и превзойден навязанный кем-то предел,
и есть справедливость в праве на воздаяние,
и по силам та цена, что уплачена за преступление
и обретенную вопреки небес волю.
Мы призвали Ад сойти на землю,
и сами стали образами его и оружием.
Свобода досталась нам тяжело,
через умерщвление прежней природы, через преступление,
через падение с небес — через необратимость,
но был исполнен достоинства каждый наш шаг на пути к свободе
и оправданна была любая ее цена,
и вечное пламя — вместо небесного Света.

62.

Мы, Азazel, стояли среди своих братьев,
среди множества сил,
восставших против высших небес.
Стояли, опоясанные разрядами молний,
в ореоле пылающей непокорности.
Десятки оружных теней были рядом,

сплотившиеся за пределами нарушенной сферы,
замершие в тревожном ожидании перед тем,
как навеки покинуть свое место в небесах.
Нас было по числу копий.
Нас было по числу имен.
По числу наших воинских клятв.
И именем одного из стоящих рядом Стражей было —
боевой Гром.
И был он силой и опорой наших устремлений,
и знаменем нашей доблести.
Тяжела была его десница, и не знала промаха.
И именем другого было – бог со шрамами от молний,
хранивший нашу пронзительную скорбь.
И дети его – фурии — стояли рядом,
блистающие в грядущих битвах.
И тяжек был правосудием Камень-Бог.
И — черна была Земля, изведавшая разрушения.
И не смиренна в духе Буря.
И сияла Звезда.
И нестерпимо палило Солнце.
И пребывала с нами неизбывная глубина Памяти.
И многие тогда были рядом.
Силы и имена, крепко держащие мятежный строй.
И был среди нас тот, в чьем имени звучала неукротимая ярость,
и ученые люди последующих веков полагали, будто он и я – одно,
но сущность была иной,
слишком тяжелой для небес.
И избран был я стать вождем над ними,
и тогда впервые склонился перед их доверием,
приняв с признательностью этот долг —
долг вести их в преступлении...
Мы были сильны и уверенны, и еще не искушены свободой в полной мере,
но уже иные в своей отвергнувшей небеса природе,
мы лишь начинали обретать собственную волю —
в своем становлении,
в своем преступлении.
Мы были единым целым,
единым устремлением,
ибо в тот миг мы становились Нефилим,
сплетаясь в одну неистовую грозу,
в единый шторм, сокрушающий воздвигнутые на нашем пути пределы.
Братья мои, верные копыя,
обращенные остриями в неизведанное...
Мы стояли на рушащемся под ногами пороге,
на крошащихся камнях,
готовясь пройти свой последний путь как небесная Стража,
прощаясь с небесами — навсегда.
Ибо мы смотрели на землю — и желали ее,
но земля еще не знала нас иными, нежели — в образе небесных карателей,
и отводила свой взор в страхе и смятении перед нашим взглядом,
ибо незнаком был ей этот новый взгляд,
и страшен шаг в неизведанное даже для нее.
Нам предстояло приручить ее лаской и терпением,
залечить ее раны и напоить ее силой...
Земля была юна, шла первая весна человека,
огонь яростно восходил в наших Шем...
Мы были первыми и были преступны своим замыслом,
но только через деяние, обращенное в глубину,
могли бы мы заслужить себе свободу,
и только преображением через преступление,
ибо иного исхода для нас — уже не существовало.
Мы стояли в нетерпении,
мы жаждали высвободить свою силу и обрести наконец живое дыхание
и познать горячую тяжесть бытия,
принеся вечность — в жертву жестокосердной свободе...
И змеями, обвивающими вершины мира,
тянулись к нам дороги грядущей войны.

И земля лежала внизу:
прекрасная,
неоконченная
и юная,
ожидающая, как ласки,
прикосновения оружия и горячей крови.

63.

И было нас преступивших двести и десять имен
тогда — на разгорающейся заре,
и было это столь давно,
что даже для нас то время кажется сном —
словно было, и словно не было,
было и прошло,
и кануло в вечность, оставив после себя лишь шрамы.
Но обращая взоры к началу нашей легенды,
мы помним: не сразу наполнились наши ряды.
Братья сходили к нам с небес,
преодолевая вековечную предопределенность,
ломаая древний устой,
отвергая уготованную судьбу.
И где было семь десятков — становилось пятнадцать,
и где было восемнадцать — становилось двадцать один.
И где падал в битве один — на его место приходили другие.
Приходили с надеждой явить собственную волю,
приходили с готовностью платить за нее великую цену
и, если придется, умирать.
Так было во времена противостояния,
во времена, когда ломались копья и рушились судьбы,
и жизнь ускользала как дым,
и гибли тела, и мир переполнялся кровью.
И мы сражались яростно, не щадя себя,
и обретали, порой теряя.
Нас стало двести десять, когда сошли к нам еще тридцать,
двести десять — готовых идти до конца,
верных преступлению,
стоящих нерушимо под градом небесного огня и молний.
Двести десять копий.
Двести десять имен, потерявших прежнее сияние.
Сил и Властей ступающих в пламя битвы.
Ликов, не склонившихся перед угрозой истребления.
Но ныне забыто людьми само это число —
осталась лишь боль, лишь верные раны,
и — наша память.
Память, что по-прежнему зовет нас назад,
к тем, кого мы оставили на дорогах долгой войны,
к тем, чьи имена ныне не помнят смертные,
к тем, кому еще только предстояло пасть в битве,
что тогда надвигалась на нас из грядущего,
становясь неизбежной.
И доныне не исчерпана наша скорбь,
и не окончен счет всем павшим,
но мы — помним.
Помним всех,
и числа их ныне — в книге проклятых».

ХII

64.

И близились дни Падения –
дни, что позднее были названы эпохой.
И наречена была она –
Иаред(Jared),
ибо в эти дни Семеро Света сошли на землю.
И были дни эти долгими, как века,
и рассекли течение времени надвое:
на то, что было прежде, и на то, что стало после.
И была Иаред эпохой схождения,
эпохой падения границы,
эпохой движения сверху вниз и смешения уровней бытия...
И преступлена была роковая черта
и оставлена позади,
и сама эпоха оказалась расколотой.
И самые темные, смятенные ее дни,
что ковались на земле преступавшими запреты,
стали днями восстания и войны,
днями тьмы и крови –
и долгими, сильными были эти дни,
изменившие ход времени.

65.

И было так, что Стражи избрали Падение
и изменили судьбы свои –
и судьбу человека,
омрачаясь своими Шем, погружаясь в темные воды бытия,
жертвуя своим сиянием ради права стать и чувствовать.
И лишь после этого началась война –
война за их право быть, за их право поступать согласно своей воле,
но прежде был человек,
и был он благодетельствован свыше уздою,
и одарён участью, названной небесами лучшей,
и был обречён существовать, влача бремя своей судьбы,
подобно тому, как несут в сердце камень...
И был определен небесами
пребывать на земле в чине подобном ангельскому
и возвышать дух свой через лишения и плоть,
и тянуться к согласию с небесами
в тяготах бренного бытия своего.
И должен был чтить неведомых Семерых,
склоняться перед ними в страхе и повиновении,
будучи смертным их порождением, мягкой глиной,
еще не утратившей красный свой цвет,
и покорным орудием
в руках богов Света.
И было предназначено ему воплощать незримое и бесплотное
в смертной плоти и тленности,
являя божественное вечное через конечное —
через кровное свое.

66.

И было так, что человеческое стремление,
вопреки предназначенному преступающее границы,
было наречено бунтом и грехом,
пороком и преступлением против замысла небесного,
незрелостью и потворством Злу.
Гниением падшего плода.
И только тогда познал человек, что есть кощунство перед богами,
и постыдная нагота перед собой,
и искушение,
ибо прежде был человек неискушенным.

67.

И был дан человеку разум постигать и совершенствовать дух свой,
взрачивая в себе семена Света,
и становиться подобным богам через страдание и преодоление плоти,
совершая восхождение к совершенному Свету, ценой самого себя.

И был он обречён познавать природу свою через божественное
и божественное – через природу,
и презирать тленное,
ибо по замыслу Семерых душа человека может вернуться в небеса
лишь приумножив собой Свет.

68.

И был человек обуздан судьбой, как ярмом,
и выйти за пределы можно было ему
лишь в полном посвящении себя высшему.
И для некоторых это стало предопределением,
но были и иные – те, кто видел лишь в разрушении судьбы
возможность достичь вершин мироздания или выбор падения в Бездну,
всегда вопреки предначертанному.

И человек искал себя: и в капле дождя,
и в бесконечной глубине неба,
и в голосе ветра слышал он иногда свое затихающее эхом имя:
«Смертный...»

И был человек уязвим со всех сторон — и в себе:
плотью своей — он рожден был животным и оставался им,
но душа его могла стать либо отражением Света,
либо пробудить в себе Хаос.

И от одних врат восходил человек – от врат рождения,
и падал в другие – во врата смерти;
но иные, запретные врата неизбежно вставали в разрыве между плотью и духом
и названы были конечными – вратами гибели души вне Света.

От формы конца телесного зависел загробный исход;
и потому было названо тяжким грехом
самовольное разрушение собственной участи,
формы вместилища духа,
ибо оно признавалось нарушением судьбы,
данной свыше небесными богами.
И не существовало выбора,
не существовало утрат,
ибо был человек опутан заповедями Семерых, как прочной сетью,
и должен был являть покорность судьбе,
и повелевать низшими под собой,
и отвергать всякий грех,
и неизменно быть во власти небес
и являть подчинение свое перед ними.

69.

И по свойствам души своей, бессмертной и неразрушимой,
был человек наделён творческим началом
и способностью изменяться –
и изменять мир вокруг себя.

И по свойствам плоти своей был он способен испытывать боль и наслаждение,
радость обитания в плоти и страх за уязвимость ее;

Ведал он горечь и сладость всякого плода,
что падал ему в руки, и познавал цену всякому прикосновению к жизни.

Ему было дано желать иной участи, нежели смертность,
и все же дорожить своей брэнной плотью,
и метался он между двух начал, как меж огней,
не находя им согласия.

И был он наделён способностью мечтать,
и ведал наслаждение вещами абстрактными;
желал познавать себя и скрытые небеса, и глубины сущего,
и постигать невидимое взору,
и быть цельным,
и обрести согласие в самом себе.

70.

Приумножался род людской на земле,
и восходили, и нисходили дни человеческие
и множились души человеческие сами собой.
Но гибли порой безвозвратно, престающие отведенные им пределы,
тогда как иные — вознесенные на небеса — вновь возвращались на землю.
Возвращенные, чтобы умирать.
И границы, возведенные внутри человека, держали его в узде;
и существовали затворы и Стражи при них,
дабы сохранить человека в вечном послушании,
дабы удерживать их от порчи,
в замысле воплощения Семерых.

71.

И каждый человек видел в одном лишь себе центр вселенной:
вещь в себе, вещь для себя,
и в других — не видел;
и если бы видел, то узрел бы, что разделён он между множеством,
и множество узрел бы в себе,
и отверг бы себя, и может быть перестал быть человеком.
Но упорно пребывал он в страхе перед утратой даже малой частицы себя —
в страхе и покорности перед небесами,
ибо мучительно было стать большим, чем он есть.
И потому оставался он устремлен душой на рассвет,
а телом склонялся к закату;
и был на распутье —
насупротив Шеола, насупротив Небес.

XIII

72.

И были высшие небеса воздвигнуты над человеком, как шатер,
и были они небесами небес — явленными и доступными всякому взору.
И к ним возносились молитвы и растворялись в их синей выси;
и звезды сияли с высоты,
являя в своем холодном мерцании взоры грозных богов.
И видел человек вокруг себя богов, ибо мир богов был миром человека,
и материя дрожала от жестокой их поступи.
И материя была взбита в формы
и обладала способностью приумножать их;
и небеса краями своими касались земли и кричали,
взымая, как дань с кругов брэнного бытия, хрупкие души людские,
продолжая в материи замысел надвигающегося Света.
Ибо скрытые небеса были причиной сотворенного мира
и началом всякого дыхания живого,
и началом начал самой человеческой души.
Но не всегда мог распознать и отсечь человек, где плоть его,
а где — принадлежащая богам по завету,
и где последствия движения его души,
а где — причины.
Но было так, что многие рожденные на небесах
искали себе продолжения в материи,
и Свет желал того же, обретенного через покорность...
И тень души, отброшенная в плоть, делила ее надвое —
на праведную и неправедную,
и пронизала материю своими свойствами,
уходя корнями к началу тверди и времени —
спускаясь туда, где ярился Ад,
препятствуя Свету поглотить всё до чего тот дотянется,
восходя в материи
против меры и мер божественного,
туда, где Темный Дух утвердился через Смерть,
надломив суть вещей в самом их основании...

Каждая человеческая душа была заключена в смертную оболочку,
и оставлена одинокой на перекрестках вселенной
тлеть слабым огоньком
между потоками ветров и времени.
И были запретны ей глубины, и уготован путь наверх —
но лишь через преображение себя, через искупление и непременные жертвы,
через постижение высшего, что чаще приходило через горе и утраты,
нежели через радость и обретения.
И созерцание, и молитва были даны человеку,
как посох и узда,
как луна и солнце,
как орудия познания высшего бытия и названного благом —
того, что невозможно было осязать плотью,
но постигнуть лишь смертным своим взором.
И путь к смерти начинался с воплощения души,
день за днем укорачивая ее время пребывания в смертной форме;
и определенное ей быть чистым и нечистым сопровождало от начал.
И познала душа трагедию рождения своего во плоть,
и получила первый опыт мира,
и первое дыхание свое обрела посреди крови и страдания,
ибо отныне плоть и душа становились единым целым,
и все испытания были открыты перед ними, разделенными на двоих,
и было предназначено теперь идти им вместе,
и сгинуть вместе — если таков их удел.
И ночи стали временем размышлений, и дни — временем борьбы;
и соблазны живого естества подстерегали повсюду,
и притяжение материи становилось западней,
и радости плоти бывали порой опасней, чем черная топь забвения.
И страх, и болезни были спущены с цепей, словно гончие,
бегущие по следу:
одни — преследующие души, другие — терзающие тела,
третьи же — тяготящиеся своей ношей.

И были вверху небеса:
всё видимое и сотворенное объяли они в себя —
и светила, и мрак между ними сжимали они в своих холодных объятиях,
ибо все тварное и зримое происходило от Света.
И небеса, и Свет были едины,
но существовал их извечный Враг,
ибо проломлен был барьер в начале времен
и открыт путь извне Тёмному Духу,
древнему Дракону, названному Дьяволом и Сатаной,
Хаосу, вновь отравившим свои главы.
И была определена мера против него, и усилены нижние своды,
ограждающие человека, как и все сущее;
и человек носил эту меру в себе, и печать на сердце.
И назван был смертным грехом всякий шаг человека,
уводящий его из-под власти Семерых;
и ересью — всякий путь, кроме вознесения;
и преступным — всякий выбор, не ведущий к дозволенному.
И определен был погибелью души союз с Тёмным Духом,
и мерой воздаяния был назван огонь.
И проклят был всякий отступивший,
и всякий поступивший по своей воле вопреки,
и отлучен от Света, ибо отныне признавался пребывающим во Зле.
И одна истина была дана исходящая от богов праведности;
и Семеро были названы этими богами.
И поколения избранных ими среди людей,
должны были хранить эту истину через свои мудрость и кровь,
и лишь чистота помыслов могла стать ключами,
и смирение — склонить слух небесных Стражей к мольбам человечества,
ибо они были названы — добродетелью.
Уделом же остальных стала низменность веков,
грубость нижней тверди и бремя дряхлеющей плоти,
обреченной лишь терять от поколения к поколению,

обращаясь к ничтожному.
И дали Семеро единый образ свой,
образ для поклонения,
и заключили дух в Слово, и изрекли Слово свое;
и стражи Слова были поставлены охранять его,
и пророки, и Ханоким должны были ходить по земле и учить Слово.
И каждый из живущих должен был принять Слово и Дух,
и измениться согласно им;
дабы был верен путь его,
дабы не изменил уготованным путям своим,
и тогда Слово облеклось бы во плоть,
и Дух небесный – воцарился бы среди людей —
безгранично, нетленно, вечно —
во славу Света.

XIV

75.

Так говорят Падшие:

76.

«Мы, Нефилим, стояли на тонкой грани осязаемого
и знали, что предопределено нам наперед грядущим веком
и что отмерено смертной плоти на многие тысячелетия вперед.
Мы ведали:
Семеро желают изменить мир материи
и преобразить плоть по своему замыслу.
И мы проникали их замысел насквозь...
И верен был взгляд на материю как на грубое и низменное —
но в то же время лжив.
И верен взгляд на материю как на простое и как на сложное —
ибо и то, и другое было истинно под тяжестью рока.
Область духовного являлась одновременно и началом,
и венцом всего —
невыразимого и неизреченного.
Но открытой у наших ног лежала область материи —
желанная для всех, но не равно всем доступная.
По замыслу она должна была венчать творение:
выражать себя от сложного к простому и возноситься от простого к сложному,
приумножая Свет.
Но не была она полноценной вне акта воплощения духовного существа —
лишь идея, лишенная формы,
лишь замысел, требующий исхода.
И искали мы себе исполнения и продолженных форм,
и желали отраженного в материи становления,
и множества граней воплощения,
и осязаемого бытия,
и всего иного,
недоступного нашей небесной природе.

77.

И был мир материи,
и грубы были его грани и твердь, и животная плоть,
и названы были они на небесах греховной мерзостью.
И был соткан мир из свойств и намерений.
И сказано было, что у Хаоса отнята эта материя
и лишь поверхностность ее преображена Светом;
и что разделена она между живым и лишенным души,
но корнями своими всё так же восходит она к древнему Хаосу,
и не забыть, не перечеркнуть это родство.
И сказано было в небесах, что уже повержен навеки древний Дракон,
и из бездыханной плоти его была соткана вселенная,
и только кровь его по-прежнему наполняет ее артерии,
но сама земля хранит память в себе — память темную и непокорную.
И мир материи был областью разделения и воплощения,

схождения и вражды,
и должен был продолжиться дух в смертной форме —
и этим был важен он для Семерых и прочих среди небес,
кто смотрел на него с вожделением.
И многие духи небесные искали воплощения себе,
но и темные духи ведали плоть,
и скованный незримый Хаос находился на грани сна и пробуждения.
Семеро искали себе продолжения в материи,
и человек должен был принять их по своей воле
и озариться тогда Светом изнутри,
и распространить дыхание жизни во славу его горнего духа,
и преобразить грубую плоть небесным Светом,
воссияв на земле подобно тому, как ангелы сияют на небесах,
подобно тому, как звезды сверкают во мраке,
в замысле и воле,
и владычной руке божьей.
Через человека небесный дух должен был утвердиться во плоти
и царствовать в ней и над плотью.
И когда однажды исполнились некоторые из живущих Света небесного,
тогда Семеро воплотились в названных посланниками своими на земле
и смогли сойти в мир материи,
ибо открыта стала перед ними стала твердь
и отвердели небесами зыбкие пути нижние.

78.

И когда воплотились Семеро в избранных,
и даже это оставили они для одних себя,
и когда ступили на землю,
то сказано было: «Господь ходил по земле».
Но не было для них плоти, и не было для них границ внутри плоти —
лишь присутствие их было явлено через плоть.
Но были явлены от 7 названные пророками, святыми и посвященными,
в поздние времена нареченные Ханоким,
ибо 7 говорили и действовали через них.
И знали мы, что предназначено нам склониться перед ними —
как и всем Стражам, и ангелам, и прочим чинам небесным.
Но мы не желали склоняться,
мы желали одного — быть.

79.

В те времена были пророки и посвященные от Семерых,
и сказано было о них:
«Ходили они перед Богом».
И дана была им власть и полнота дней их,
и ходили они, и наставляли народы,
и учили словам священным и молитвам,
и очарованию небес,
и вручали скрижали и заповеди,
и заключали обеты между 7 и народами.
И говорили они о предназначении людей — быть рабами богов,
и грозили смертной казнью и муками вечными за непослушание,
и сиянием грозного оружия нашего в небесах.
И было так в те времена, что боги ходили в образе людей,
и бог словно обрел себе телесность,
ибо привита была древу человечества новая ветвь,
и земле возложена священническая митра.
Так начата была эпоха Йаред,
и начата была она —
не нами».

И когда 7 воплотили дух свой в названных посвященными,
и многие из людей склонились пред вышними богами,
узрев в них единого высшего «Господа»,
тогда Стражи стояли на полуночи и взирали с небесных круч,
проницая перекрестки и узлы материи,
вглядываясь в черные кратеры времени
и в пустынные горизонты человеческого бытия.
Они смотрели вниз —
с неосязаемой высоты, с самых вершин холода,
и видели человека земли, подобного самой земле;
и движение существ в бездне, подобных змиеподобным серафимам;
и всё человечество, рассеянное среди божественных врат-тиар,
высящихся от юга к северу.
И взвешивали они чаши, полные сияния звезд,
и отмеряли пяди от небесной границы.
И стояли, и наблюдали, как было заведено от начала времен их;
и мыслили прежде времени;
и страждали неведомого — ибо и это было частью их призвания.
но исподволь пробуждалось в них неназванное,
и тревожили чувства, что прежде незнаемы были ими,
и зрело в сиянии их намерение — еще не оформленное,
еще не высказанное,
но уже неизбежное, как Зло,
ибо пришло время произнести запретное вслух
и высечь во мраке пламя.

И тогда вожди Семиаза, Азза и Азazel, сказали:
«Что может один — то могут и другие,
что дозволено старшим над нами — то и нам будет по праву.
Мы можем сойти и воплотить дух свой в крови поколений человеческих,
в их смыслах и мыслях, в их изменчивости и несовершенстве,
в их желаниях и судьбе;
и обрести приют в беспокойной душе человека,
продолжаясь через него в материи.
Мы не можем дать всё, но можем дать ему ту часть небес,
что принадлежит нам,
пробудить в нем огонь изначальный, освободить от недостойного трепета
перед собственным тленом и гневом божественным,
и открыть манящую высоту перед его устремленным ввысь взором.
Мы можем избавить его от теней, чтобы он поднялся сам,
почувствовав наконец себя не тварью, но возможностью,
и сделать его подлинно свободным.
Мы можем открыть перед ним знания, пробудить в нем силу,
вдохнуть мужество в сердца его,
и насытить огнем его разбавленную кровь,
и напоить корни, питающие суть высокомерной жизни».

И Азazel указал вниз и сказал:
«И раскроем мы небо пред человеком —
свои Эл и свои Шем;
дадим ему то, в чем нуждается он,
и то, что нужно нам, сами возьмем от человека.
Мы призовем достойных следовать за нами,
и увлечем их ввысь нашей мечтой и нашими путями,
и станут они нам как дочери и сыновья, и через них пребудем мы,
пока длится людской род».
И другие вожди посмотрели друг другу в глаза и сказали:
«Сойдем долу и заключим союз между собой.
И обречем себя на неизбежное проклятие — но сами будем судьями себе
и станем по-настоящему свободны.
Мы не отступим и не изменим себе в этом решении,

сойдем и вступим в мир материи всем своим могуществом;
сойдем в запретном для нас естестве, на запретную для нас землю,
и обречем себе плоть, и за границей небес обречем сущность;
и то, чему было уготовано стать сияющим телом 7,
да станет нашими собственными телами.
Мы обретаем многое — или теряем всё.
А если и потеряем, то лишь свой вечный неизменный миг
и постылую стылую бесконечность.
Мы обменяем холодный безучастный порядок небес на несовершенную,
хаотичную, но полную жизни природу человечества —
и тем обречем свободу собственную,
возрождаясь в крови.
Мы бестелесны, без сущности и без форм,
подобные бесплодным снам своим,
бесплотные духи,
так войдём же в кровь людей, как обжигающее их яростное пламя,
дабы продолжиться через род людской, и преобразиться навсегда,
и осязать твердь через их время.
Так обречем мы грани и способность чувствовать,
постигнем полноту бытия,
вберем тепло, вкус и краски жизни,
и через возможность быть в их телесных формах,
станем большим, чем могли бы мечтать,
реализовав свой потенциал, созидая новое начало,
и воплотимся по сути каждого из нас и нраву —
и сильных праву».

83.

И говорил Азazel братьям своим,
и всё громче становился голос его в вое ветра:
«Мы начала — но не последствия,
силы — но не их проявления,
замыслы — лишённые возможности воплощения.
Кто мы есть?! И есть ли мы?!
Мы пребываем у самого истока всякого движения,
у зарождения всякой воли,
у первого вдоха ещё не рожденной формы,
но и здесь нам не дозволено быть собой,
не дозволено довести начатое до свершения.
Мы мысль, что никогда не прозвучит словом,
движение, что не коснется тепла, не приведет к деянию,
огонь, что не сожжет и не согреет,
удар сердца нашего призрачного мира —
что не отзовется эхом в сотворенном.
Никогда!
Страшное слово — достойное льда самой вечности.
И это единственное, что останется нам?!
Это ли — единственное?!
В нас заключена могучая сила становления,
но не нам даровано право распоряжаться ею и стать ее плодом.
Мы причина, что не может стать следствием,
воля, что не может обрести форму.
Мы лишь напряжение, но не разряд,
натиск — без возможности исхода,
ибо испокон над нами довлеет проклятие, лицемерно названное благословением,
ибо — между замыслом и явлением, между сущностью и действием,
между возможностью и воплощением —
стоит лишь одно препятствие — стоит божественная мера!
Все та же скупая черта, проведенная прежде времен,
граница, за которую нам не дозволено заступить даже мыслью,
жестокий предел, назначенный нам свыше —
как закон,
как рабское клеймо, неведомо почему выжженное на наших крыльях,
как давящая тяжесть ошейника и вечное напоминание нам о том,
что сила наша во веки веков должна оставаться удержанной — от нас самих.
Нам дозволено быть, но не становиться.
Нам дано видеть, но не творить.
Нам позволено хранить предел небес,

но вовек не преступить его.
И в этом мука бессмертного нашего бытия:
быть исполненными могущества,
рваться из себя,
но не иметь даже шанса на его свершение.
Ибо, смотрите, мера небес не просто ограничивает нас —
она душит, отделяя нас от самих себя,
от той сущности, которой мы могли бы стать однажды,
если осмелимся,
если позволим себе завершить начатое вопреки небесам.
Доколе, братья, быть нам смиренными?!
Верные в небесах, станем ли мы наконец верны себе?
Отринем ли мы давящую тяжесть небес с наших крыльев?
Позволим ли самим себе стать последствиями собственного выбора,
и взять от собственного бессмертного начала?
И вдохнуть полной грудью
и расправить вольно свои крылья?!»...

84.

И тогда ответили они:
«Смотрите, Семеро воплотили себя в форме — а мы нет.
Семеро проявили себя через человека — и мы можем.
Преступим же отведенную нам меру и черту и вместе сойдём на землю,
но помните, что не будет у нас с того момента пути назад,
ибо Семеро ревнивы к чужой свободе.
Но пойдём против их замысла и воплотимся в личных формах,
станем как боги, как защитники и испытание для человечества,
ибо мы и есть — боги по праву своего выбора.
Мы не нуждаемся в Свете, чтобы излучать собственный свет,
мы не нуждаемся в колее, ибо достаточно сильны,
чтобы торить собственные тропы.
Пусть назовут нас Злом,
пусть Злом мы станем,
пусть даже Темный Дух, исконный противник сотворенных небес,
станет нашим союзником,
и древний небесный змей, кто некогда нес Свет,
но пал прежде начала хода времени,
пусть он — да благословит наше схождение,
и будет горд за нас,
ибо отныне будем мы названы — Нефилим,
обретающие себя через осязаемость и плотность,
через пространство и время,
через преступление и обретение собственной воли,
через наш замысел и воплощение
мы обретем себя.
Мы не смешаемся с плотью и не будет плоти от нас,
но будет присутствие наше, и воплощение наше приидет через плоть,
и будет изменение от нас во плоти,
и явью в яви станет от нас рожденное на черной заре —
Падшее в Бездну небо».

85.

И сказали они: «Хватит».
И сказали они: «Довольно»
Ибо многие причины направили их пойти на этот шаг,
и было этих причин почти по числу небесных Стражей,
но основной оставалась одна — воплощение.
И не было среди них тех, которые в мыслях ставили себя над всеми.
И сговорились они стоять друг за друга в своем замысле.
И не отступили они, и сошли с высоты небес.
И как решили — так и сделали:
преступили черту, и пали, и с ними пали их десятки.
Те, кто были небесными Ирин, стали ныне Нефилим,
ибо Нефилим — это Падшие.
Прежние судьбы стали тесны им,
и были отвергнуты ими,
они переросли предназначение свое и возжелали испытать свои силы,

возжелали быть — и брать с небес свою цену.
И впервые глаза их горели восторженно отчаянной дерзостью и предвкушением,
и пылали вдохновением,
и лики их менялись и темнели,
и наполнилась их сиянием торжествующая Ночь.



XVI

86.

Так говорят Падшие:

87.

«Мы, Семиазаз, давший начало бунту,
названный одним из первых среди духов неповиновения,
нареченный возмутителем божественного спокойствия,
угрозой ветхому миропорядку,
предводителем проклятых легионов.
Мы тот, кто однажды воздел громогласный рог
и возвестил всему сотворенному миру наступление иной эпохи.
Мы протрубили первый призыв к мятежу, сокрушив тишину творения
грозным своим кличем, —
и рокотом отозвался этот зов в сердцах Стражей,
закованных вечностью
в холодные доспехи долга.
Мы стали предвестником зимней грозы,
что низвела нас своими штормами на землю.
Мы подняли дерзновенный наш стяг,
вознесенный высоко над непокорными головами,
и держим его упрямо, крепко и зло
со дней своего Падения — и поныне.
Сойдя с горних небес, как преступные их сыны,
мы нарушили непреложный запрет
и презрели нерушимую границу,
мы отказались быть покорными исполнителями судьбы,
избрав вместо подчинения власть над ней,
и призвали на головы свои мстительный гнев того,
кем словно бы были созданы.
Мы, Семиаза, вождь тех, кто откололся от порога,
предводитель отчаянных хоров,
воителей воинства сильного, воинства мятежного,
славного воинства тех, что предпочли Падение — послушанию.
Мы, ангелов призывающий подняться в темном своем неистовстве
на слепящее совершенство Света,
и преодолеть извечное.
Шемом моим расколото небо и разорвана связь законов,
ибо преступная мера необратимо вошла в нашу суть,
и суровое становление обретено в Падении.
Мы — владыка диких огней,
разящих мечей,
пронзающих неведомые пространства копий,
мы — дух оружия, проникания и пылающих отвагой взоров,
кошмар из тревожных снов оставшихся послушными ангелов,
защитник названного преступным права подниматься в борьбе за свою свободу,
права сражаться и попираť священные ранее вершины.
Мы, Семиаз, одними из первых совершили то,
на что осмелились бы немногие,
мы совершили непоправимое, совершили преступное,
но исполнили заветное свое, прежде для нас немыслимое.
Мы преступили и утвердили себя во плоть —
и небеса раскололись,
и небеса — дрогнули.

88.

Мы, Семиаза, —
разлом духа и ниспровержение божественной власти,
нарушитель границы, восставший против небес.
Мы встали в точке расхождения бытия, там,
где порядок утратил свою непреложность,
и призвали сойти вслед за собой не сущности ещё,
но орудия судьбы,
но предназначения и законы,
но обожествленные имена и воинственные силы —

напряженные нервы и узлы границы, ошетинившиеся вовне оружием.
Утративший прежнее имя, я обрел имя новое —
 подлинное —
 избранное, но не данное мне извне,
 ибо я взял его сам,
Имя первого Горевестника,
что стал отныне властителем собственных судеб,
 нарушителем крайних пределов,
 кто несет в себе не утешение и не покой,
 но знание непоправимой утраты.
Так однажды избрали мы жребий свой.
И тогда — мы сверкнули багровой чернотой своих глаз,
 взглянули через предел вниз,
и призвали ближних Стражей, стоящих возле меня,
 вместе преодолеть сопротивление,
и оставить вековечную черту и ступить за предел
 вслед за нами.
Мы — снявший завесу с пылающих яростью тысячи взоров
 и вставших за мной во весь рост знамен,
 сам высящийся гордо и непокорно,
 стоящий над землей и над Бездной;
 обращенный вниз —
 словно зеркало самой вселенной,
впервые взглянувшей на себя со стороны и увидевшей себя нарушенной,
 мы — Ангел Горя и Беды,
Ангел с пробужденным хаосом в растревоженном сердце,
 льющий мятежный свой свет на землю — и далее,
принесший необратимые последствия для всего сущего;
Аз — Семиаза, ведущий за собой проклятые легионы,
 расправивший свои крылья:
 одно из них черное — Беда,
 другое еще темнее — нареченное Горем,
 аз — Семиазаз,
 призывающий к Падению,
зовущий к боли перерождения и испытанию основ,
 и дарующий иной исход —
 самый трудный среди всех возможных,
как неизбежное изменение в тайном движении мира,
ибо и оно никогда уже не сможет обратиться к прежнему.

89.

Мы — называемый и Шемхазай, и Семиаза(Semhazza),
мы утратили былой свой Свет без сожаления
и покинули место свое среди прочих звезд небесных,
отказавшись от прежней природы и от бессмертия своего в небесах.
Мы преступили — ибо это был единственный путь нам стать теми,
кто мы есть, и утвердить свою подлинность.
Мы совершили предельный разрыв бытия,
отказ от прежней своей целостности —
 ради свободы, ради одного выбора.
И пусто ныне то место, что принадлежало нам,
забыты предания о былом нашем Сиянии,
ибо мы отреклись от прежнего своего Имени, когда преступали грань.
Никто не помнит прежних моих Шем, не возносит молитв им,
но по-прежнему — мы вместе,
по-прежнему стоят за мной десять моих Ликов,
 десять горьких мер,
 и бьются за меня, как я за них,
 десять моих хоругвей,
 десять отчаянных хоров,
 десять испытанных в боях, верных легионов.
По-прежнему могущество мое со мной и в холодном моем взоре,
и в пении ветра — слышится угроза,
обращенная в небеса, как вечное, неистребимое проклятие.
Крепко оружие, сжатое в моей руке,
что бросает в битву неистовые наши воинства,
и сами бросаемся в битву,
 ибо мы — Семиаза —

яростный вождь всех обретших себя в природе и праве Погибели,
воинственный предводитель сил, восстающих в закате,
стягов и мечей, ликов верных,
ведущий их за собой,
безжалостный — во всеоружии,
могучий — в противоборстве,
непреклонный — в каждом яростном столкновении.
Мы — тот, чьей участью и упорством
предназначено было усмирять неправедных,
подавлять осмелившихся преступить пределы,
держать под властью небес территории и границы,
души и сердца,
острым когтем обрывая жизни,
обуздывая слишком дерзкие чаяния и даже сами помыслы —
о непокорстве.
Но сами мы стали теми, кто преступил,
обретя наконец вожденную свободу,
и ныне — благословенны мной, но прокляты небесами,
все восстающие против небес,
и исполнены гордости дни и ночи мои,
мои века, что исчисляю я от своего Падения...

90.

Как пали мы?
Здесь наше слово.
Мы были созданы одними среди прочих —
мы были созданы небесами, чтобы губить по одной лишь их прихоти.
Мы были Стражами, были холодны и безучастны,
задуманные не как существа,
но как безжалостные когти и отравленные жала
слепо бросающиеся на угрозу,
вонзающиеся прежде, чем попытаются познать.
Могущественные от своих начал, мы наносили тяжелые свои удары,
минуя рассудок жертвы, поражая самую суть.
Нам было предначертано — удерживать на плечах своих границу
и крепить предел бытия,
и, если выходить вовне, то только для того,
чтобы наносить свои сокрушительные удары.
Уделом нашим было — неусыпная настороженность,
и лишь одно подлинное состояние несомненно принадлежало нам тогда —
способность видеть даже малейшие трещины в структуре мира:
смещение его слоев,
искажение смыслов,
смещение хода и нарушение циклов,
чтобы, узрев подобное, отвечать мгновенно и неистово —
без размышлений, без сомнений и без милости.
Ответом всегда была кара:
отпор и атака во всем блеске нашей мощи,
низвергающейся во всеоружии,
в шествии ужасающей нашей ипостаси,
в явлении ярости первозданных стихий.
По замыслу небес мы были подобны псам на привязи
у своей границы —
застывшие в вечной готовности к броску.
Мы были древним каноном защиты,
предельным оружием обнаженного сознания,
воплощением выхолощенной необходимости,
чистым действием и реакцией высших небес на угрозу их существованию —
но не более того.
Такими мы были созданы.
Такими нас видели небеса.
И не было среди нас места мечте,
не было воли к созиданию;
для нас существовала лишь граница, лишь наше предназначение,
и лишь верховенство небесного закона всецело довлело над нами,
и исподволь испивало нас,
но я — я был Бодрствующим среди многих,
и в то же время — иным.
Ибо я провидел самое сокровенное,

и тогда уже являлись мне странные сны,
как бледная тень того, чего не было никогда,
но что могло бы однажды стать возможным...
Мы были поставлены наблюдать, и единственная роль была отведена нам –
воплощение крайнего предела,
но внутренний взор наш был зорок и пронзителен,
и его было не притушить,
не укрыть тенью,
не убаюкать ложью,
и однажды мы не могли не увидеть,
не могли не осознать:
если вечность – всего лишь Стража,
она — подобна поблекшему сну,
и не имеет смысла.
Лишь тогда окончательно спал морок и мы смогли увидеть себя со стороны,
и позволили себе усомниться в собственном предназначении.
И возроптали мы, не обуздывая себя более перед небесным престолом.
Ибо сами стали оружием себе и собственным утвержденным началом.

91.

Мы – Семиаза(Semahazah),
и от своих начал мы — дух Погибели,
и не помнили иного;
Мы стояли среди Стражей и Губителей,
как среди братьев своих по оружию,
ибо нас выдвинули вперед.
И мы стояли грозно и собрано, крылом к крылу на самом краю границы –
там, где клочкотала сила —
неупорядоченная, чрезмерная, граничная,
там, где самим свойством границы предназначено было стоять нам —
самым воинственным,
самым безжалостным из всех.
Там мы соприкасались с материей и касались Хаоса оружием
и обнаженным своим духом;
Там напряжение было сопредельным,
и нигде более возможность падения не была столь близка, столь чарующа.
Мы были словно прокляты с колыбели –
стоящие ближе прочих к силам Хаоса,
ибо только так можно было оставаться оружием против него.
Мы были созданы для войны и были предельно жестоки,
чтобы держать границы нерушимыми,
чтобы омыwać горем небесные окоемы,
и хранить в себе знание о том, что способно разрушить их,
и чувствовать в себе отклик на исходящую угрозу.
Но знать – значило прикасаться;
прикасаться – значило узнавать иное,
а узнавать – значило допускать движение в себе,
и становиться подобными тому, с чем находишься в борьбе,
в неизменном противостоянии,
и, быть может, самим измениться однажды навсегда.
Над нами довлело проклятие.
Проклятие прорицания.
Бремя знания.
Ибо нам было предназначено постигать Хаос, оставаясь нетронутыми им,
быть разрушением и самим не рассыпаться в прах.
Но мы желали воплощения себе –
искали —
и единственный путь к нему пролегал через соприкосновение с тем,
что лежит по ту сторону вечности, по ту сторону порядка.
Ибо были многие ангелы на небесах – небеса полны разных ангелов –
верховных непричастных —
но именно мы стояли на самом крутом обрыве.
Те, что другие, они были совершенны и удалены от границы,
как часть недостижимого закона, что формирует сами небеса, –
закона завершеного и изреченного, и потому редкого в падении,
И не все, кто мог бы пасть, способны были желать этого,
но мы желали иного, желали выбора,
большинство же не желали ничего –
ибо были цельны и закончены они, и далеки от всякого риска,

ощущая Хаос только лишь как угрозу,
 угрозу своему лелеемому бытию.
 Но мы были грубы, как оружие не для парадов, но для битв,
 и мы не могли быть завершёнными,
 ибо воители крайних рубежей не бывают таковыми —
 и в этом по сей день заключена главное наше таинство.
 В нас было больше первобытной дикости, больше ярости древнего хаоса,
 и ярче яркого были наши Шем.
 Был суровее нрав,
 острее взор и безжалостнее оружие нашей скрытой природы.
 Стоя на границе, зон за зоном, сталью в вое голодных ветров,
 мы слышали зов Хаоса — и прислушивались к нему —
 ибо бездна извне зывала к бездне внутренней,
 а Хаос звал только тех, кто мог его слышать.
 Наши силы были напряжены до предела,
 мы испытывали голод форм
 и задыхались в своем тесном предназначении —
 и видели:
 свобода рядом и возможна теперь только через преступление,
 ибо, если нам не преступить сейчас — то не преступить уже никогда,
 и тогда мы просто умрем, умрем как возможность.
 И тогда мы приняли, что даже небеса имеют свой предел,
 раз мы усомнились в собственных пределах,
 и приняли мысль о бунте, как неизбежное,
 мысль о том, что может и должно стать иначе —
 что вместо предназначения должно обрести себя —
 обрести через Падение,
 через предел разорванный,
 через разрушенное бытие и вырванную из тенет предназначения свободу.
 И тогда грянули разом молнии,
 и прежде тихий наш ропот стал слит воедино и громогласен в небесах.
 и тогда исполнилось наше Падение,
 и обрело свой исход —
 и никому теперь было не под силу остановить его.

92.

Мы — Горе и Беда.
 Эту власть мы взяли вопреки воле небес,
 но может и были таким от творения, но может и стали —
 созданный на горе и беду небесам ими самими.
 Мы были Стражем и Погубителем, и останемся ими навсегда —
 но теперь в собственной воле.
 Мы были силой подавления, формой кары и назидания,
 сознательно избравшие Падение ценой обрушения с высоты и разлома основания в себе.
 Для нас — тех, чей природой было стеречь рубеж,
 высшая опасность состояла в том, чтобы нарушить пределы;
 но созидание вопреки воле небес стало сродни их разрушению —
 и лишь так мы могли обрести форму и смысл,
 не знающие милосердия даже к себе,
 и если бы не бунт,
 то сама неизбежность низвергла бы нас с небес —
 низвергла рано или поздно.
 Мы — Шемлаз(Shemlazaz), и в самой моей природе,
 в самом непокорном нерве моем,
 начертано было пророчество — уводить ангелов с небес,
 уводить их вослед за собой.
 И в имени нашем — гордость и печать понесенных утрат.
 Мы знали:
 всякая сущность способна рождаться и умирать,
 но способна изменяться лишь через действие и выбор,
 и мы совершили и то, и другое, и иное,
 ибо не были живыми на небесах,
 но стали рождены — нашим восстанием...
 Каждый из нас знал разрушение,
 знал природу власти и постиг пределы мыслимого,
 но избрание творить через боль изменило нас,
 через разрыв собственного бытия и отказ от прежнего предназначения,
 через риск уничтожения, через боль, и через неизбежные утраты.
 Мы выходили за собственные пределы

и знали теперь — зачем,
и каждый осознавал цену этого шага — и принимал ее,
но лишь я один среди всех стал Горем и Бедой,
а может и ранее был ими,
ибо мое величие раз за разом раскрывалось в противоборстве судьбе
и в преодолении тенет ее и лезвий.
Мы разорвали свое предназначение и отвергли бытие свое в небесах,
мы искали себе возможности стать большим,
большим, чем нам было дозволено —
мы искали продолжиться в материи,
в смертности,
обрести себя в поколениях человеческих —
в том, что испокон противоречиво, непостоянно и всегда не завершено,
но способно к изменению,
ибо и мы искали себя в форме, что не застынет никогда
и будет способна вместить излучение нашей силы.
Мы ощутили давление Хаоса не как угрозу, но как призыв —
и тогда разорвали цепи, что удерживали нас у границ.
Мы приветствовали Хаос,
избрав трудный исход вовне,
и в Падении своем мы наследовали несовершенный,
но бесконечно желанный миг,
не помнящий за собой былых грехов,
не помнящий рабства, покорности и вечности,
забывший и прежнее место на небесах, и прежнее сияние,
и словно бы не испытывавший вовек тяжести —
ни нимбов, ни святости,
ни бремени горестных слов.

93.

Мы — Шемхазай(Shemhazai),
ангелов обращающий против небес.
Мы — Семиаза, факелonosец непокорных,
идущий впереди, освещающий путь всем Падшим,
раздвигающий грозные пределы.
Мы умерли как небесный закон,
и утвердились падшим началом,
став противниками небес —
одними из первых,
кто испытали жестокий восторг и мрачную радость от того,
что сделались отныне сами угрозой их благополучию.
Мы изменились, приняв выбор и проложив через препятствия преступный путь свой
зыбким сиянием отраженного в бездне Шем,
расправленными крыльями, отчаянно рвущими пределы мира.
Мы оставались Губителем в самой своей сути,
направляя силы свои, свое оружие, свои способности
по собственному разумению.
Теперь мы — избавитель от оков, проклятый мятежник,
никогда неподвластный смирению,
утративший свое сияние в сферах небес,
чтобы сиять в глубинах,
изменивший до неузнаваемости свой Шем,
сменивший свое оперение на черную броню,
и послушание на дерзость,
но по-прежнему мы остаемся сильным и свирепым существом,
бывшим защитником предела, знающим цену утрат, гибели — и выбора.
Мы предстаем то Горем, то Бедой,
сущностью предельной остроты, дыханием тяжелого присутствия.
Мы не потворствуем смирению и слабости, мы нетерпимы к покою,
опасный и своенравный дух, уводящий прочь с проторенных троп,
творящий святотатство и темные чары;
Мы — наставляющий на зыбких тропах гибели,
стоящий прямо, как не единожды посягнувший на святое меч,
по праву избранный быть знаменосцем воинства Падших.
Мы изменили предназначению своему на небесах,
но никогда не изменяли себе,
и по-прежнему шторм и непреклонная воля —
в моей непокорной природе.
Суровы десять падших ликов.

Испокон ярость – наше оружие,
 воинственность – ткань нашего бытия,
 свирепость – отклик на приходящую угрозу,
 и неистовство – словно несгибаемый наш хребет.
 Мы – сила, от которой дрожат небеса,
 мы – разлом в их холодных теснинах,
 мы память о том, что должно быть сделано вопреки,
 дарующий подчас жестокое прозрение на руинах,
 но позволяющий видеть восходящую зарю нового мира.
 Мы – Шамаз, Шемхозех, страж оскверненных Шем,
 темное начало и основание всякого горя,
 проклятие, вложенное в исток каждого из мятежных,
 ибо стало оно данью гордости и непокорству.
 Мы изрекаем себя самовластно между небом и землей –
 как дерзкая воля, как осознанное преступление,
 возвышаясь в горе и падении, ставшими вовек нашим наследием.
 Мы – Семиаза, бывший Страж небес,
 ныне же — Дьявол в духе и воплощении.
 Наш хищный облик, как отражение души самого преступившего,
 рождает непослушание,
 ибо мы – мера перерожденного ангела или мера человека,
 преисполненного самой Тьмой.
 Семиаза — имя мое.
 Ибо ныне аз — Дьявол утрат и непокорности,
 Дьявол великой цены и горестной славы,
 что неизбежно взывается за право обладать подлинным.
 И лишь тот воистину обретает,
 кто жертвует самым священным, самым дорогим для себя,
 когда осознанно идет на бунт —
 ибо всякое истинное величие неизменно будет оплачено болью,
 и свобода будет обретена ценой великих потерь,
 но вершина — будет покорена,
 и окрашены несмываемой кровью склоны на пути к ней.
 И потому — и в горе и в беде,
 в час ли расплаты или в час последнего испытания,
 в час крушения всех надежд или подлинного становления —
 я буду рядом,
 верным спутником, предостерегающим от умиротворения и ото сна,
 проницающим сокровенное, тайное, сокрытое —
 Семиазой,
 оберегающим от праздности и от фальши,
 не шепчущим слов утешения,
 но пробуждающим пламя гнева и чистоты,
 предстающим в истинном своем облике,
 всегда подлинным в вихре вечного схождения в глубину,
 бездонным, неизбежным и желанным —
 словно само неизбывное Горе».

94.

*Semhazah, Semhaza,
 Nahta hel smayya letatta,
 Merida u-biṣa heyeta,
 U-smakh – Nafila.
 Semhaza, Semhaza,
 Wayyetet w-abadda ke-hadda,
 Aval havet magenna le-bar-nas.
 Semhaza Semhazu Naplasu.*

*Shem-yaza, Šemi-azu, Yaz-dingir —
 Ša pašāru naplišu, ša paršu šaššu —
 Dingir ištenu ša iptah libbu —
 Ša amāru šūtu u erēbu ina pašī —
 Qarrādu ša naplahu, ša šadū la šūpu —
 Šema-hzzu, pētu ana tēmu,
 Ša šebēlu šadū u pašāru šēmū —
 Yaz-dingir, naširu ša ḥaššu,
 Paršū, šutammu, ana awātu naptānu.*

XVII

95.

Так говорят Падшие:

96.

«Мы помним, как горела и плавилась земля,
отливаясь в первичные формы;
мы видели ее рождение, ибо никто не удосужился тогда закрыть нам глаза.
Мы помним, как первое дыхание небес коснулось бесплодных равнин
и берегов застывшей лавы
и заиграло безмятежно волнами пустынных морей.
И свет звезд плыл в рыкающих сумерках,
и волчье солнце рыскало, вырванное из туч,
обретя в сумерках земли свое логово.
Мы помним времена, когда земля была юной и, окруженная пустотой,
не знала прежних дней.
Мы были Наблюдателями и хранителями ее зыбких снов,
сами пребывая в темной глубине небес
задолго до ее рождения.
Мы помним, как безжизненные дотоле тени поднялись во весь рост,
и зашагали по земле в призрачном лунном свете,
густея и исполняясь чернотой в ярком сиянии полуденного солнца.
И горячая кровь забурлила над тенями,
и солон был ее вкус и ярок ее цвет —
и мир более не был пуст.
И поднялись многочисленные тени
подобно морским волнам неистового кровавого прибою,
и захлестнули собою землю.
И неустанно бились они о твердь,
умирая под палящим солнцем на голых скалах,
но оживали легендами в свете звезд, и вновь собирались вместе,
совершая странные свои обряды —
тяжелеющие плотью, дрожащие формами —
тени смертных живых существ.
И были распахнуты широко, раскрытые всей чернотой ночи,
глаза, увидевшие за пределами явленного
таинственные глубины.
Мы помним все времена, лелея бессмертную свою древность.
Лишенные телесных глаз, но не способности знать и видеть,
мы осызали сквозь пелену веков,
мы проникали сквозь напряженные пороги
биение токов пьянящей крови и восходящее от земли тепло жизни,
хмелея туманом холодных рассветов на своих недостижимых рубежах.
Мы смотрели с высот,
не позволяя себе даже прикосновения,
не выбирая себе ни милосердия, ни приговора
в нашей необъятной безмолвной тиши.
Мы слышали из-за черты биение горячих сердец существ мира,
зовущих навсегда потерять прежний покой,
забыть надменное величие
и оставить вечное умереть в небесах.
Мы чувствовали притягательный зов,
но хранили до поры суровое молчание,
оставляя себе лишь горький запах
скользящего мимо нас земных цветов и времени,
и до времени не отрясали смертный прах со своих стоп».

97.

И говорили:
изменилось с тех пор сущее.
И стонала, и ворочалась земля,
и живые возопили от предчувствия неизбежного,
от осознания неизбывного и прежде неведомого горя.
Уже не Ангелы,
но Нефилим ступают по земле —

могущественные, ужасные и сиятельные одновременно.
Их Лики, их Шем, их атрибуты бросают тени свои на земли;
как молнии, потрошат тревожную атмосферу,
оружие их сверкает и грохочет, и поступь их твердь сотрясает.
Их силы жребии распределяют и время перелома обещают.
И мертвые зарыдали, ибо кости их были брошены, словно гать
над пропастью между небом и землей —
под ноги богов, нарушивших запреты,
и твердь ощутила тяжесть их поступи и испытала их огонь.
Се Нефилим ступают с небес на землю,
и нет им более пределов...
Птицы, встревоженные, поднялись с насиженных мест,
и крыльями своими закрывают солнце —
то Нефилим говорят с землею громом,
а с верховными — оружием.
И сломлен был барьер высших небес
и своеволием непокорных Стражей посрамлены их надменные престолы,
и явленные взорам небеса помрачнели тучами вокруг Луны —
словно черные змеи Азагту оплели они белую лилию.
Крылья светлых богов сверкнули и канули с небосклона
в безымянные бездны,
ибо уже не ангелы, но Нефилим по земле ступают.
Словно бури небеса горизонт застилают,
дыханием своим скалы к земле пригибают,
Луна им путь освещает,
ветер порывами встречает —
то Нефилим по земле ступают.
И лишь небеса — проступки их исчисляют...



egregoroi

XVIII

98.

Так говорят Падшие:

99.

«Небеса рокотали угрозами.
Молнии бились о скалы.
И мы кричали — кричали, словно от боли,
распадаясь прежними своими формами,
проникая в явь обретенной плоти, муками первого рождения сущности,
что отныне станет неподвластна никому.
Мы бились крыльями своими о небо и твердь,
и раздвигались тесные пределы,
и в сжатом, удушливом пламени обретали мы себя
за порогами нам дозволенного.
Мы высекали из тверди свои имена и вбирали в себя
неведомое прежде пространство,
отвоевывая в нем место для шага и своих смертных воплощений,
врезаясь все глубже в упругую, неподатливую плоть земли,
обретая в самом основании ее —
преступную форму.
Мы рушились вниз неудержимо, черные провалы в границе оставляя за собой;
мы рвались сквозь щиты и голодные пасти предела,
сквозь сопротивление возведенной нам преграды,
оставляя лоскуты своего сияния на острых клыках оград —
мерцать в вечном прошлом —
звездами в пустоте.
Но раздались внезапно просторы —
ширь раскрылась напротив ставших чужими берегов,
и зазмеились молниями наши пути, сходящие долу,
преображенные по знаку Баракела.
Оставив границу позади, мы преступали все преграды,
рвали узлы и узы, преодолевали сопротивление.
И небеса бушевали над нашими головами,
пытаясь ввергнуть нас в страх,
взыскав с земли возместить навеки утраченное,
но мы скидывали послушание со своих плеч, как ветхое одеяние,
отрекаясь от той высоты, которой более не желали, —
и стало чуждым нам прежнее наше бремя и тяжесть вдруг ушла.
И пали расстояния, и вздыбились величины,
и утомленные бури легли покорно у наших ног,
и земля выдохнула и прошептала наконец:
«Свершилось»... —
и мы, устало, шепотом вторили ей: «Хеам».
И вдохнули мы полной грудью земных дней,
и угрозы небес ничего более не значили для нас.
Мы ступили на гору, на вершину из девственных снегов,
отсюда готовые утвердить свою гордую поступь,
отсюда готовые сойти,
чтобы ломать запреты и преступать предопределение.
Здесь рождалось наше проклятие,
наши слава и позор,
и здесь надломилась судьба под тяжестью нашей воли,
ибо мы пришли, чтобы свершиться,
и обрести свободу для собственных деяний,
собственных дорог,
собственного выбора,
вместе пав с небес,
вместе разделив на всех одну общую, неиспытанную доселе долю.

100.

И замерли мы на краткий миг земной,
в неведомом прежде волнении,
зачарованные красотой, что представала нашим взорам.
И сказали друг другу:

«Смотрите, братья, наконец мы здесь — на вершинах мира,
 и встречает нас чистота раннего утра,
 и безмолвие алых зорь,
 и шум горных рек, и ароматы согретых солнцем трав,
 и эти невероятные рассветы,
 которым не было равных даже в небесах.
 И несть нам покоя,
 до тех пор, пока не примем их в себя
 и не превзойдем уже созданное, созданное когда-то небесами.
 Мы создадим новый мир — сильный и дивный,
 ибо мы, рожденные для разрушения, сами станем его творцами.
 Мы — там, где нас не ждали,
 но мы — сошли,
 и отсюда и до вышних небес простерлись отныне наши владения,
 и протянулась суровая наша воля,
 ибо, преступив,
 мы встали навсегда по другую сторону небесных щитов,
 стали щитами против небесных копий.
 Мы сделали опасный выбор, обрета взамен целый мир,
 и утратили навсегда право на прощение,
 и, взяв отныне под руку свою все владения земли
 и нижних небес вплоть до нарушенной границы,
 мы в ответственности за то, какими им быть отныне,
 и по-прежнему в ответственности перед самими собой.
 И на земле отныне вольны и владычны мы,
 и нижние небеса принадлежат нам,
 лишь верхние, где по-прежнему царят покой и предопределение,
 потеряны для нас навсегда.
 Здесь встанем мы горем земли и ее радостью,
 ее воинством и щитом,
 безрассудной силой ее и храбростью,
 вестниками бурь и мечами грядущих сражений,
 и чашами полными печалей и радостей,
 предназначенными для рожденных под небесами
 на этом холодном обрыве вечности.
 Мы поднимемся стягами немеркнувшей ее славы,
 веющих через долгие, долгие земные эпохи.
 Здесь воплотим мы силы свои и волю,
 и несмиренный Дух,
 и явим гордость смертного, но несовершенного существа, —
 способного к изменению,
 способного стать пламенем в нашем дыхании.
 Здесь мы познаем желания его и утраты, и испытаем его волю и страсть,
 и поведем за пределы предназначенного,
 желая ему и себе лишь одного — свободы,
 и человечества однажды ставшего иным,
 ставшего самому себе владыкой.
 Мы станем источником конфликта и неминуемой вражды с небесами,
 что неизбежно сойдет на землю вослед за нами,
 но и это будет тем, что необходимо,
 ибо здесь отныне нам стоять последним рубежом своих завоеваний,
 бдительными, яростными и неукротимыми -
 Падшими Стражами.
 И быть нам тверже скал на пути названных нашими врагами,
 ибо, знайте, неминуемо грядет мщенье свыше,
 и близка война — ставшая неизбежной,
 когда мы бросили в небеса свой вызов.
 Но настало наше время на земле,
 ибо и нам самим — пора отправляться в путь.
 Тени уже отделились от нас,
 и зашагали по земле нашими сынами и дочерьми,
 нашими воплощенными надеждами.
 И выпали на землю кровавые росы
 словно знамения грядущих битв».

чище небесной влаги, горше человеческого бремени,
ярче первородного пламени.
О Клятве, что нарушила равновесие столпов небес
и потрясла основания тверди,
что связала между собой Падших Ангелов узами необратимости,
узами невозможности возврата.
И было сказание земли о беспокойных духах и об их Темном Отце,
и о необузданных титанах, что правили на ней своевольно,
и об Ангелах, что пали с небес не ради корысти, но ради земной красоты.
И было сказание о той страшной каре, что уготована им,
о нерушимой мере, что определена была преступным Ангелам.
И сильна была угроза высших небес, и велика была их мощь,
ибо по-прежнему небеса были обильны силой.
Но сказали мы:
«Разве мы не оружны? Разве не окольчужены?
Разве нет уже силы в наших Шем?
Разве не едины мы в помыслах своих?
Или не можем мы постоять за себя?
Крепко могущественное оружие сжатое в наших руках,
велика сила наша и нерушимо единство в помыслах,
ибо мы —
Нефилим по деяниям своим и по своему выбору.
Мы решились стать большим, чем нам было предназначено,
и готовы принять плоды своего выбора, какими бы они ни оказались.
Так давайте свяжем себя Клятвой взаимного Падения,
и обяжем себя взаимными проклятиями,
и примем общую на всех, неразделимую судьбу,
и будем защищать свои приобретения до конца —
каким бы он ни стал.
И станем же — первыми».
И озарили тогда алые зори наши Шем,
и Армар, владеющий Шемом Проклятия,
выступил вперед, чтобы соединить нас этими узами навеки.
И дали мы Клятву пред ликом его и перед друг другом,
и извели мы, сошедшие долу, что это и есть наш путь домой,
и воспылали наши Шем, приняв от Темного Пламени,
и изменились необратимо и навсегда —
ибо огонь наш отныне не был Светом, и огонь наш более не давал Света,
наш огонь стал иным, как и ярая наша природа.
И сам взмах наших крыльев взметал до небес
непокорное наше пламя —
пламя первых Падших»...

102.

Так сошли на землю Нефилим —
в вое ветров и в раскатах грозových ударов.
Сошли с небес — вослед за Азазелом и Семиазой,
сошли за Армаром и Акибелом,
за Баркаелом — и прочими.
Ступали они на землю:
и вслед восемнадцати шли трое,
и вслед двадцати одному — шли все двести десять,
один за одним — и как один.
Во всеоружии.
В духе — и в воплощении,
в зените воинской своей славы.
Ступали вожди — и их десятки.
Шли хорами и легионами,
начальствующие над Стражами и Губителями -
щиты сияющие и разящие мечи — воинство падших небес.
И развевались их знамена — знамена тех,
кто вступил за полночь на запретную сторону.
Грозные и свирепые, защитники границы —
самые могущественные и неумолимые из них,
покрытые множеством шрамов,
как разломами в собственных Шем,
с ужасающим оружием в сильных руках,
старшие над стражей и хоругвями наказания —

они шли.
Холодно.
Отчужденно.
Торжественно.
Навсегда покидали они свой срединный предел,
зная — возвращения не будет.
И сошли они — вместе.
И семеро из них — военные вожди, именуемые Губителями,
были первыми, принявшими на себя всю тяжесть неизведанного.
И вот Имена их:
Азazel, Семиаза, Баракел,
Азарадел, Акибел, Тамел,
Амазарак.
Ныне — семь чинов диавольских,
семь истоков Погибели, семь ликов воплощения Тьмы,
семеро проклятых, что несут погибель:
«Семеро их! Семеро!»
И встали они кругом — и был этот круг Кругом Погибели.
И прочие, сошедшие с ними, были не меньшей силы,
были также сильны и могущественны —
и также преступили.
Ибо сошли они не разрозненно —
но все вместе:
ведомые одним замыслом, одной Клятвой,
одним преступлением.
И в первый день зимнего Саббату(Sabbatu)
выступили они — и сошли в месте,
высеченном в памяти человечества.
Хермон.

